

Кифа

«И сами, как живые
камни, устройте
из себя дом духовный»

В газете использованы
материалы сайтов sf.ru и psmb.ru
Статьи публикуются на сайте gazetakifa.ru

12 (198)
октябрь 2015 12+

Издание Преображенского содружества
малых православных братств

Одобрено Синодальным информационным
отделом Русской Православной Церкви

С. 3
Русская идея – это братская жизнь
Исповедник веры XX века о. Сергей (Савельев) говорил: «Русская идея, которую много лет искали наши философы и писатели до самого последнего времени, – братская жизнь». Об этом рассказывал на встрече в Италии президент КПФ «Преображение» Алексей Наумов

С. 6
«Главное – то, что здесь встречаются люди, которые в другом месте никогда не встретятся»
В монастыре Бозе в Италии прошла очередная конференция по святоотеческому наследию – о милосердии и прощении. Сегодня у нас в номере впечатления участников конференции

С. 7
«В 1935 году “как будто что-то выключили в городе”...»
Так вспоминали москвичи массовые аресты по «делу нелегального Высоко-Петровского монастыря». Теперь о жизни тайных монашеских общин рассказывает выставка, открывшаяся в Нарышкинских палатах Высоко-Петровского монастыря

Приложение «Регионы»
Прошлый номер Архангельского регионального выпуска был практически целиком посвящен истории епархии. Сегодняшний расскажет о современной жизни епархии глазами братчиков. Это будет рассказ о встречах, в которых члены братства были участниками или организаторами, и о том, что значит в жизни братств духовное образование

Тема номера Богословие – всеобщее призвание

Ольга Александровна Седакова. Выступление на праздновании 25-летия Преображенского братства

О покаянии и раскаянии

Мы продолжаем публиковать материалы «Преображенских встреч», прошедших в дни празднования 25-летия Преображенского братства. Сегодня это доклад Ольги Александровны Седаковой, прозвучавший на фестивальной площадке «Церковь в диалоге с обществом»

Дорогие друзья, братья и сёстры!
Прежде всего, я хочу поблагодарить Александра Михайловича Калиха за золотые слова, которые он только что нам сказал: *милость правды*. Это великолепное уточнение представления о милости. Под практикой «милости», «дел милосердия» обычно имеют в виду различные виды филантропии, помощи слабым, бедным, больным. Это и личные, и социально организованные виды милосердия. Имеют в виду – уже значительно реже – также акты прощения, снисхождения, помилования. Социальная практика таких актов у нас не разработана, они остаются личным делом верующего. Вообще говоря, даже школьный список рекомендуемых

христианину «дел милосердия» интереснее и сложнее. Но *милости правды* (и такой болезненной для многих правды, как та, которую открывает «Мемориал») в этом списке нет. Мне не раз приходилось слышать, что встреча «милости и истины», о которой говорит 84-й псалом («Милость и истина сретятся, правда и мир облобызуются» (Пс 84:11)), произойдёт только в будущем веке, а здесь нам, христианам, лучше всегда предпочитать милость правде. Как хорошо, что это ложное противопоставление так просто снято в словах Александра Михайловича о «милости правды»! В порядке личного признания: именно *милость правды* для меня – лучший род милости. Я благодарна и за все другие – но эта моя любимая.

Всякая милость – это дарование жизни, дарование возможности жить. А в отсутствии правды жизни нет. Нет ни для одного человека, ни – может быть, ещё больше – для любой общности людей. В отсутствии правды возможна только ложная общность, только имитация жизни.
Впрочем, есть ещё одна форма милости, не включенная в канонический список «дел милосердия», которую я люблю не меньше этой: *милость красоты*. Я воспринимаю красоту как милость, прежде всего: незаслуженную милость. Так человек, когда он глубоко восхищён, спрашивает: «За что мне это?»

Окончание на с. 4

«Наша цель – развитие церковной науки»

Интервью с А.Р. Фокиным, зав. кафедрой богословия Общецерковной аспирантуры и докторантуры им. свв. Кирилла и Мефодия

Какие цели прежде всего ставит перед собой Общецерковная аспирантура и докторантура?
К нам приходят люди, которые хотят написать или пишут какие-то серьёзные богословские работы, кандидатские или докторские. Так что наша цель – это, конечно, прежде всего развитие церковной науки. И ещё – усовершенствование церковных кадров. У нас учится много священнослужителей – диаконов, священников, монахов, даже епископы пишут и защищают работы. При этом аспирантура открыта для всех слоёв церковного и светского общества – и для мирян, закончивших светские вузы, и для выпускников духовных семинарий и академий, и для преподавателей и учителей. Но основная задача – это научная деятельность и повышение уровня образования священнослужителей.
Я много интересного слышала о тех международных научных богословских конференциях, которые общецерковная аспирантура проводит в последние годы. Не могли бы Вы немного рассказать о них? В чем их отличие от конференций, которые в течение многих лет организует Синодальная библейско-богословская комиссия и которые стали одним из важных центров обсуждения насущных вопросов современного богословия, в том числе и в приложении к церковной жизни?

У нас немного другие задачи, прежде всего – общение с зарубежными коллегами для поддержания уровня наших собственных богословских исследований, а также расширения кругозора наших студентов. Разные кафедры нашей становящейся духовной школы – кафедре церковной истории, библеистики, патрологии – организуют конференции каждая по своей тематике. Но регулярной пока стала только одна – международная патристическая конференция. Она проводится ежегодно, в октябре-декабре, и посвящена каждый раз наследию какого-то древнего отца Церкви. Так, мы уже провели конференции, посвящённые духовному наследию преп. Исаака Сирина и Симеона Нового Богослова, и сейчас готовим конференцию по св. Иоанну Кассиану и его роли в становлении аскетической традиции христианского Запада и Востока. Есть планы провести в следующем году патристическую конференцию, посвящённую древнему коптскому христианству. Вы, конечно, знаете, что, как правило, каждая научная школа имеет свою ежегодную конференцию: Свято-Филаретовский институт, Свято-Тихоновский университет, духовные академии... Сейчас такой ежегодной конференцией ОЦАД является патристическая, которую готовит возглавляемая мною кафедра богословия совместно с ректоратом и другими службами.

Окончание на с. 8

Неповторимость лиц, входящих в круг

Ещё раз о славянофилах

В «Кифе» мы уже не раз писали и об Алексее Степановиче Хомякове (на днях исполнилось 155 лет со дня его кончины), и о Киреевских, и о семье Аксаковых. Но, пожалуй, пока ещё ни разу не говорили о славянофилах в целом. Казалось само собой разумеющимся, что говоря о ком-то из них, мы имеем в виду дружеский, отчасти даже родственный круг, объединяющий этих людей. И сегодня нам хотелось бы вспомнить и этот круг, и стоящего в его основании человека ещё с одной стороны, так выразительно затронутой в цитируемом нами сегодня труде протоиерея Георгия Флоровского «Пути русского богословия»

Из главы «Начало “великого ледохода” русской мысли»

Есть свои времена и сроки для философских рождений. И не вообще наступает время философствовать, но у определённого народа возникает определённая философия. Такому пробуждению всегда предшествует более или менее сложная историческая судьба, полный и долгий исторический опыт и искус, – теперь становится он предметом обдумывания и обсуждения. Начинается философская жизнь, как новый модус или новая ступень народного существования...
Такое философское рождение или пробуждение, это распадение «внутреннего стремления» со «внешней действительностью», переживало русское сознание на рубеже двадцатых и тридцатых годов прошлого (XIX. – *Ред.*) века...
<...> Распространялось философское возбуждение от профессорских кафедр. Но принялись философские идеи не в школьном порядке. Они принялись и проросли в тех своеобразных «кружках», в которые в те годы собирается университетская молодёжь, именно в Москве. Это не были собрания согласившихся единомышленников, здесь всего больше именно спорили, спорили со страстью. Соединяет не столько общность взглядов, сколь-

ко тожество тем, – соединяет какое-то несомое «избирательное сродство», о котором так любили говорить в то время. И члены разных кружков всё-таки чувствовали себя как бы членами некоего единого высшего братства, – «мы все храмовые рыцари», скажет юный Герцен...

В ряду этих кружков первым по времени было «Общество любомудрия», основанное в 1823-м году. В него входили Веневитинов, кн. В.Ф. Одоевский, Ив. Киреевский, Кошелев. Это был внутренний круг, замкнутый круг романтической и страстной дружбы, «тайное общество». Сердцем кружка был Веневитинов, собирались у Одоевского. «Тут господствовала немецкая философия, т. е. Кант, Фихте, Шеллинг, Окен, Геррерс и другие», – вспоминал впоследствии Кошелев. Кроме того – Платон. Две тайны останавливали их внимание: тайна жизни и тайна искусства, и вторая больше, чем первая, – таинственная многомерность бытия, и включённый в него символизм. Само любомудрие становится для них новой религией...

Окончание на с. 5

Алексей Степанович Хомяков

Православие за рубежом

О двух или трёх братьях

В конце августа состоялся фестиваль Всемирного содружества православной молодёжи Синдесмос

Участники фестиваля у стен Благовещенского собора, построенного в XVI веке

Дети – замечательные существа во многом потому, что они могут говорить, что думают. Пусть информации о мире у них меньше, но мечтают и верят они больше. Многие в детстве думали о том, кто кем станет. И, наверное, многие из нас думали, как здорово было бы стать царём или президентом: сколько хорошего они сделали бы, насколько мудрыми и справедливыми были бы. Почему-то, вырастая, мы больше ругаем всех и вся и меньше мечтаем, меньше верим в то, что добро и правда возможны на земле – становимся взрослыми в худшем смысле слова.

Однако есть те, кто призваны быть как дети, детьми не по уму или по ответственности, а в простоте веры и доверия идти туда, куда зовёт их любящий Отец. Это заповедано Церкви – ученикам Иисуса Христа. Однако и христианам, чтобы собраться и понять, что задумал о них Господь, нужно порой выйти из зоны комфорта и собраться не в самом привычном месте.

Итак, 25–30 августа, Польша, Супрасльский православный монастырь, находящийся близ областного города Белостока. Фестиваль движения Синдесмос – Всемирного содружества православной молодёжи. Собралось около тридцати человек из разных православных поместных церквей и стран: Польши, Словакии, Белоруссии, России, Румынии, Франции,

США, Бельгии и Эстонии. В основном – представители православных братств, молодёжных и не только, а также представители приходов, семинарий (Смоленской и Свято-Владимирской семинарии Нью-Йорка).

Тема фестиваля – «Достигая Соборности». На первый взгляд – из области весьма высокого богословия, однако в процессе оказалось, что нет ничего практичнее.

Мы верим, что Церкви дано призвание преображать жизнь на земле, созидать духовный Дом, в котором каждый человек мог бы быть принят, понят и помилован. Из Символа веры мы знаем, какой должна быть Церковь: единой, святой, соборной и апостольской. Но как претворить это знание в жизнь: ортодоксию в ортопраксию?

Словами главного не передашь, главное совершается между строк, посреди людей, собранных во имя Бога. И через библейские беседы, тематические встречи, совместную ежедневную молитву, презентации братств и движений, народные песни вечером у костра шаг за шагом открываются простые, но дорогие вещи. Например, то, что православие – не что-то сугубо русское, общеславянское или греческое; что это та жизнь в вере, которая может стать родной для человека из любой страны или континента, когда он ищет в вере глубины и свободы.

Хоть мы и разные, но наши проблемы, в общем, схожи: насколько трудно нам быть христианами всерьёз, быть верным Богу и ближнему, противостоять злу, но любить всякого человека. Отсюда и разделения в церкви – мирян и священства, мирян между собой, закрытость богослужения, безответственность прихожан, отсутствие свидетельства о вере и т. д. И хорошо, что об этих и других вопросах можно спокойно поговорить и поделиться тем, как они разрешаются.

В главном все ищут одного: чтобы земная церковь была тем, чем должна быть; чтобы и миряне, и священники, и епископы были едины в жизни с Богом и в служении Ему. В этом и есть практическая соборность – когда каждый в единстве и совете с другими трудится там, где поставлен. Ведь Церковь – народ Божий. Все хотят, чтобы любовь к ближнему, братские отношения не были абстрактными понятиями, а реальным постоянным опытом церковной жизни: «Где двое или трое собраны во имя Моё, там Я посреди них» (Мф 18:20).

В каком-то смысле всё это в залоге уже было в тех движениях, что собрались. Не зря большинство из них назывались именно братствами. Ведь если люди –

братья хотя бы потому, что в них есть образ Божий, то уж тем более призваны быть братьями (и сёстрами) те, кто сознательно выбрал быть учеником Христовым и чадом Божиим.

Завершало фестиваль празднование тридцатипятилетия Братства православной молодёжи Польши. Из небольшого семени, посеянного годы назад, выросли замечательные плоды: молодые люди знают и любят свою веру и церковь, знают, что им есть место и что они нужны своей церкви.

Встреча позади, но есть то, что останется с нами: новые друзья, в которых ты узнал братьев и сестёр по вере. Появляется надежда на то, что трудности каждой церкви и каждого движения преодолимы, ведь кто-то уже это преодолел. Понимаешь, что православной молодёжи есть что сказать друг другу: мы, например, рассказывали об опыте миссии и катехизации (подготовки к крещению), которым многие интересовались.

Для меня же главным открытием было то, что люди из стран с разным историческим и культурным наследием всерьёз готовы служить Богу независимо от возраста, пола и социального статуса; что в каждой стране и «сверху», и «снизу» есть те, на ком держится церковь, а значит, этот мир ещё имеет шансы быть прекрасным местом.

Михаил Бахадов

Встречи молодёжи не могут быть скучными

Как получить благословение Вселенского патриарха

Мы с мамой встретились с патриархом. Со Вселенским патриархом Варфоломеем. Нет, мы не официальные лица и не имеем никаких знакомых во Вселенской патриархии. Мама окончила Свято-Филаретовский институт, а я в нём учусь сейчас. Просто, путешествуя, мы пошли взять благословение у правящего епископа – по древней церковной традиции. Наш путь проходил через Стамбул, поэтому, ничего не поделаешь, таким епископом оказался сам Вселенский патриарх.

Первым делом по приезде мы пришли в собор Святого Георгия Победоносца на Фанаре. С 1601 года это резиденция Константинопольских патриархов. Там нас встретили охранники-греки и, как могли, объяснили нам, что патриарх нас принять, конечно, не может, не стоит даже и надеяться.

Однако один из них всё же пошёл к Его Святейшеству и через несколько минут вернулся, чтобы проводить нас в патриарший кабинет.

Патриарх Варфоломей, очень пожилой и строгий, но энергичный и приветливый, в ответ на наше «Святейший Владыка, благословите» (по-русски – от волнения обращение на английском языке вылетело из головы) нас благословил и сразу же подарил небольшие памятные подарки.

Мы тоже привезли ему в подарок новое (третье) издание 1-го тома «Православного богослужения» с переводами вечерни и утрени на русский язык. Патриарх Варфоломей попросил рассказать о переводчиках. И мы рассказали Владыке о Свято-Филаретовском православно-христианском институте, его деятельности в области духовного образования, миссии и катехизации, о переводах богослужения и передали поклон от ректора, отца Георгия Кочеткова. Патриарх Варфоломей поблагодарил и передал поклон в ответ. Он нам рассказал, что здесь в патриархии есть несколько священников, которые говорят по-русски –

они в разное время получали духовное образование в МДА и ЛДА (СПБДА). Владыка отметил, что им особенно будет интересно познакомиться с новыми переводами православного богослужения.

Патриарх также сказал нам, что всегда очень рад гостям из России и что Русская церковь в XX веке явила великое свидетельство святости через новомучеников и исповедников. Мы сразу почувствовали, что он принял нас как представителей поместной церкви.

Мы каждый год бываем в паломничествах в разных городах России. Нам важно получить наставление, а епископам – видеть церковный народ. Ведь Церковь – не структура, а люди, живые отношения.

Александра Смирнова

Издание Преображенского содружества малых православных братств

Кифа

Одобрено Синодальным информационным отделом Русской Православной Церкви (Свид. №081 от 3 мая 2011 г.).
Главный редактор:
А.В. Колымагина

Адрес редакции и издателя:
105062, г. Москва,
ул. Покровка, д. 29

Тел./факс: +7 (495) 624-9250

Электронный адрес редакции:
gazetakifa@gmail.com

Подписной индекс в агентстве Роспечать –19601
Над номером работали:

Анастасия Наконечная, Максим Дементьев, Александр Копировский, Елена Шевелева, Дмитрий Дорошко, Светлана Калинина, Татьяна Тыртыш, Мария Кайкова

Дизайн и верстка: Марина Подкопаева
Учредитель: Культурно-просветительский фонд «Преображение».

Газета издается с октября 2002 г.
Культурно-просветительский фонд «Преображение».

Все права защищены.
Мнение редакции может не совпадать с мнением авторов.

Нашу газету можно приобрести:
в интернет-магазине predanie.org;

в Москве: в редакции (в настоящее время находится в помещении СФИ – ул. Покровка, д. 29, оф. 38);

в Санкт-Петербурге:

в киоске «Предание»,
тел. +7-963-316-37-81.

Телефоны распространителей

Москва:

+7-964-534-64-55

(Александра Ошарина),

+7-965-146-14-56

(Анна Гринман),

+7-965-128-15-07

(Марина Чиркова)

Санкт-Петербург:

+7-963-316-3981

(Анастасия Наконечная)

США, Канада: 1-651-210-4922,

oleg@voskres.net

(Олег Воскресенский)

Архангельск: +7-921-073-3276

(Надежда Макурина)

Вельск: +7-921-247-1137

(София Кудрявцева)

Воронеж: +7-950-763-5035

(Александр Терехов)

Екатеринбург: +7-904-388-0391

(Татьяна Благодарева)

Рязань: +7-920-632-06-71

(Сергей Гаврилов)

Северодвинск: +7-964-296-9042,

(Татьяна Колпакова)

Тверь: +7-909-266-88-83,

+7-905-551-02-70 (Олег Ермолаев)

Тула: +7-920-746-69-73

(Марина Писаревская)

Электросталь: +7-926-787-4305

(Ольга Кузнецова)

Газета зарегистрирована Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор). Свидетельство о регистрации ПИ № ФС 77-46907 от 5 октября 2011 г. Отпечатано в типографии «Бьорк», г. Москва, ул. Складочная, дом 6, строение 3.

Тираж 1350. Цена свободная. Выпуск подписан в печать 28 сентября 2015 г. Время подписания в печать: по графику – 9.00, фактическое – 9.00. Дата выхода в свет 31 сентября 2015 г.

gazetakifa.ru

Новости православных братств

Русская идея – это братская жизнь

Конференция «После 2015: ЕС, местные органы власти и гражданское общество, альянс за человека и устойчивое развитие», организованная Ассоциацией христиан трудящихся Италии (АКЛИ), прошла 27 августа в Милане в рамках Всемирной выставки ЭКСПО 2015 (EXPO 2015). Преображенское братство

на ней представил Алексей Наумов, президент Культурно-просветительского фонда «Преображение». Конференция собрала представителей общественных организаций из Италии, Польши, Чехии, Албании. В ней также приняли участие представители Европарламента и мэры некоторых итальянских городов.

Доклад Алексея Наумова

Текст доклада:

Я представляю Преображенское содружество малых православных братств, насчитывающее около 2500 членов. Братство родилось в 1990 г. и считает своим призванием возрождение церкви и общества в России. Позвольте поделиться нашим опытом решения тех проблем, о которых мы говорим сегодня, связанных с устойчивым развитием цивилизации и повышением качества жизни людей, опытом взаимодействия с местными властями и гражданским обществом.

Специфика ситуации

Для начала несколько слов об особенностях ситуации, в которой нам приходится действовать. Многие из вас знают, что в течение прошлого века в результате революции и установления советской власти в России фактически было разрушено не только общество, но и сам человек – его душа, его достоинство. Миллионы граждан страны были уничтожены в лагерях. Те, кто оставались на свободе, жили под постоянным давлением, в страхе, что они будут безосновательно обвинены в преступлениях, которых они не совершали. Русская духовная, культурная, научная элита: русская интеллигенция и представители аристократии – были либо расстреляны, либо высланы за рубеж. Произошли массовое отречение от Бога и Церкви, отказ от исторической памяти, от своих корней. (Одним из советских лозунгов был слоган: «Мы наш, мы новый мир построим».) Сейчас не так часто в России встретишь человека, который знает, кем были его прадедушка и прабабушка.

Таким образом, современная Россия – это страна, пережившая антропологическую катастрофу, сравнимую с геноцидом. Современная Россия радикально отличается от дореволюционной. Последствия страшного советского эксперимента до сих пор не преодолены.

Какие задачи перед нами сегодня стоят в России

Поэтому, в силу российской специфики, прежде чем начинать решать задачи устойчивого развития, нам нужно решить базовые задачи – восстановление человека и общества, восстановление человеческих связей, обретение исторической памяти, разрушенных в России в XX в.

Что мы делаем? Для возрождения общества и церкви мы создаём братские отношения и создаём христианские церковные братства, в которых восстанавливаются качественные человеческие связи. Хотя в обществе базовой ячейкой является семья, но без духовных семей, общин и братств, общество не выживет.

Для восстановления души и достоинства человека мы занимаемся катехизацией, которая даёт человеку возможность обрести истинный смысл жизни и войти в подлинную церковную традицию. Возрождаем просветительское служение женщин в церкви. (Моя жена, как и я, является катехизатором.)

Наши братства и общины поддерживают волонтерские полезные инициативы на местах. Мы проводим конференции, на которые собираем людей, способных действовать на благо обществу свободно, независимо от политических, финансовых, социальных и других условий и обстоятельств, а также и тех, кто сам собирает дружеские круги (сообщества). Одна из участниц таких конференций – женщина-волонтер, много лет самоотверженно тушит опасные лесные пожары. При этом по образованию она искусствовед. Другой пример: успешный фотограф после наводнения в г. Крымске решил заняться благотворительностью и основал фонд для помощи разным благотворительным проектам.

Создание гражданского общества невозможно без восстановления исторической памяти. Нынешнее поколение русских людей не знает не только истории своей страны до революции, но и уже забывает или не знает ужасов самой советской эпохи.

Чтобы восстановить такую историческую память, мы проводим акции памяти жертв советских репрессий, выставки, посвящённые истории Русской церкви и нашей страны. Уже несколько лет в День памяти жертв политических репрессий 30 октября наше братство во

многих городах проводит акцию молитвенного чтения имён, во время которой в течение целого дня читаются имена убитых с совершением молитвенного поминовения в начале каждого часа. Получая необходимые разрешения от местных властей на проведение акций памяти, мы приглашаем их к сотрудничеству. Во время проведения акций на улице к нам подходят самые разные люди, благодарят за эту инициативу, вспоминают своих репрессированных родственников и молятся за них вместе с нами.

У нас есть опыт плотного плодотворного сотрудничества с местными властями. Например, в вопросе восстановления разрушенных русских усадеб как мест соединения традиции: исторической, культурной, социальной, экономической и даже духовной.

О русской идее

Исповедник веры XX века архимандрит Сергей (Савельев) говорил: «Русская идея, которую много лет искали наши философы и писатели до самого последнего времени, – братская жизнь». А известный русский философ, богослов и участник братского движения Николай Бердяев считал, что «русский народ – самый коммюнитарный в мире». (То есть, стремящийся к преодолению одиночества в духовном, свободном братском общении, опосредованном Богом.) Но речь здесь идет прежде всего о России дореволюционной, а не современной.

За минувшее столетие Россия потеряла свои лучшие качества, которые наше братство и другие живые сообщества хотят возродить. К 1917 г. в России было более 700 братств, занимающихся благотворительностью и просвещением. Некоторых представителей русского братского движения знает весь мир. Это великая княгиня Елизавета Федоровна, мать Мария (Скобцова), о. Сергей Булгаков, Николай Бердяев и многие другие. Советский режим жестоко расправился со всеми братствами, но в 90-е годы XX в. началось их возрождение.

И наше Преображенское братство стало одним из них, и на сегодня является самым крупным. Мы осуществляем все те проекты, о которых было сказано выше, но самое главное – через это стремимся объединить людей, ищущих настоящего качественного общения, братских отношений и благородного служения. Пока таких людей в России и постсоветских странах мало, но, как известно из Евангелия, малая закваска заквашивает всё тесто. И мы верим, что бескорыстный подвиг этих людей поможет изменить мир к лучшему!

Предотвратить экологическую катастрофу: начнём с простого

6 сентября верующие собрались для уборки лесопарка в Кунцевском районе. Ацию организовали Церковно-общественная природоохранная организация при Синодальном отделе по взаимоотношениям Церкви и общества и Всероссийское общественное экологическое движение «Зелёная Россия»

Ещё в июле 2015 года Священный Синод Русской православной церкви учредил в первое воскресенье сентября День особой молитвы о Божием творении. Теперь ежегодно в этот день прихожане и духовенство будут проводить экологические акции.

«Общество всё больше приходит к осознанию того, что виной экологических катастроф стало смещение нравственных ориентиров в сознании человека. Сохраняя заповедь Божию о хранении и возделывании мира, данно-го в удел человеку, Церковь призывает общество сделать конкретные шаги для постепенного исправления ситуации» – такое обоснование для экологических инициатив РПЦ приводится на сайте Московского патриархата.

И одним из первых «конкретных шагов для исправления ситуации» стала церковно-общественная акция – уборка лесопарка в Кунцеве, в которой приняли участие и мы, члены Вознесенского малого православного братства.

Сначала волонтеров, приехавших в праздничный день на уборку со всех

концов Москвы, поприветствовали официальные лица – руководитель Службы региональных связей Синодального отдела по взаимоотношениям Церкви и общества диакон Андрей Титушкин, председатель общественного движения «Зелёная Россия» Константин Курченков, настоятель московского храма прп. Серафима Саровского в Кунцеве протоиерей Алексей Буканов.

Потом все разобрали приготовленные для нас перчатки, мусорные мешки, дождевики. Перед работой все вместе помолились.

В парке оказалось действительно очень много, как выразились наши дети, которых мы взяли с собой, «креативного» мусора. Все убрали так быстро, что мешки с мусором скапливались у дороги с невероятной скоростью. Несмотря на то, что шёл дождь, работать вместе с совсем незнакомыми людьми было радостно: лес преображался кусочек за кусочком, поэтому хотелось продолжать трудиться.

После уборки молодёжь «Зелёной России» кормила всех вкусной полевой гречневой кашей с тушёнкой и поила не менее вкусным ароматным чаем. Так закончился этот удивительный день, который для нас начался с литургии* в Новодевичьем монастыре и продолжился общим делом.

Ольга Булгакова, Юлия Павшинцева
* «Литургия» – с греч. «общее дело».

Наш дом. Наш город. Наш лес

Члены Преображенского братства и сотрудники КПЦ «Преображение» приняли участие в акции «Посади своё дерево» в посёлке Глебовском. Акция прошла по инициативе губернатора Московской области во всех районах Подмосковья 12 сентября

«Родить сына, построить дом, посадить дерево», – в наши дни эти слова звучат уже не так вдохновляюще, как раньше. Детей сейчас планируют. Дома в основном покупают (при этом тоже планируют, взвешивают). Ну а что с деревьями?

Редко когда можно увидеть человека, сажающего деревья за пределами собственного сада-огорода. А десять человек? А сто?

Оказывается, так бывает! Например, 12 сентября в небольшом, казалось бы, посёлке Глебовском, что находится в Истринском районе Подмосковья, порядка двухсот человек откликнулись на призыв прийти и посадить своё дерево. Пришли люди разных возрастов,

степеней и званий – взрослые и дети, крепкие и не очень, любители природы и добровольные пленники «каменных джунглей».

Среди участников были члены Преображенского братства и сотрудники Культурно-просветительского центра «Преображение», которые (с таким-то названием!) не могли не откликнуться на приглашение администрации Букарёвского сельского поселения разделить с ними радость труда и общения, вместе сделать доброе дело.

«Это нормально – преобразовать, облагораживать то место, где ты живёшь или трудишься, – делится впечатлениями один из участников акции. – Ведь важно помнить, что земля дана нам не просто для того, чтобы ею пользоваться, не для того лишь, чтобы устраивать на ней свою жизнь, но прежде всего для того, чтобы хранить её и возделывать».

Ксения Цветкова

О покаянии и раскаянии

Но сейчас о *милости правды*. Слова Александра Михайловича Калиха помогают мне сказать вам то, что я собиралась.

Я хотела бы начать со ссылки на Пастернака. «Доктор Живаго», эпизод, близкий к финалу: доктор последний раз встречается с друзьями детства. 1929 год. Оба его друга уже перевоспитались, «исправились» (Дудоров в исправительных лагерях). Теперь они хотят «исправить» и Юрия Николаевича Живаго, объяснить ему, как он заблуждается и как необходимо принять общую точку зрения. На это Живаго, которого Пастернак изображает как гениального медика, диагноста, говорит им о «болезни новейшего времени» (разнообразных микроинфарктах, кровоизлияниях и так далее). Он ставит такой диагноз: причины этой болезни «нравственного характера». «От огромного большинства из нас требуют постоянного, в систему возведённого криводушия. Нельзя без последствий для здоровья изо дня в день проявлять себя противно тому, что чувствуешь; распинаться перед тем, чего не любишь, радоваться тому, что приносит тебе несчастье. Наша нервная система не пустой звук, не выдумка. Она – состоящее из волокон физическое тело. Наша душа занимает место в пространстве и помещается в нас, как зубы во рту. Её нельзя без конца насиловать безнаказанно». Для Гордона и Дудорова эти слова Живаго – только доказательство его неисправимости.

«Лет через пять или десять», после войны, в Эпилоге собеседники доктора будут читать тетрадку его стихов и слышать в ней «предвестие свободы» и «счастливое спокойствие... за всю землю». Но пока они находят его безнадёжным.

Душу нельзя насиловать безнаказанно. Мы чувствуем, что эти слова имеют самое прямое отношение к нашему нынешнему положению. Бывают времена, когда требование насиловать душу не так настоятельно, – и эти времена кончились совсем недавно. Но особенно страшно насиловать душу там, где ей в замысле должно быть всего свободнее, среди людей, которые, говоря по-библейски, «ходят перед Богом»: в Церкви. В советские годы, с их нормой двоемыслия или помалкивания, приходя в церковь, мы знали, что уж тут-то насиловать душу не придётся. В других местах, даже в семье – да, но уж в храме-то – нет.

Я бесконечно благодарна вам за то, что уже многие годы могу говорить в вашем кругу со всей откровенностью. Теперь это редкая возможность, и она становится всё более редкой. Я прошу прощения, если сегодняшние мои слова покажутся вам слишком резкими и вы думаете о происходящем иначе.

Прежде чем говорить о предложенной мне теме, покаянии, я начну с общего вопроса, поставленного на нашей встрече: что может Церковь принести в общество?

Когда-то, на заре реабилитации Церкви, этот вопрос задали С.С. Аверинцеву, и он ответил: «Христа! Всё другое могут принести и другие человеческие учреждения».

Попробуйте сегодня спросить людей, далёких от церкви (а в среде людей культуры, «интеллигенции», таких большинство, и они – боюсь, заслуженно! – всё с большим недоверием относятся к нам, церковному меньшинству): «Чего вы ждёте от церкви? Что церковь принесёт обществу?» Легко представить, что они ответят. «Да оставьте мы нас в покое! Мы уже знаем, что вы принсите: свои непрерывные оскорблённые религиозные чувства, которые вы защищаете так, что никому не поздоровится». Все эти скандалы со спектаклями, концертами, различными изданиями, погромы выставок, все эти публичные выступления, где церковь претендует на духовную цензуру не только над «актуальным» или авангардным искусством, но уже и над историческими фактами. Помните историю со сказкой Пушкина «О попе и работнике его Балде», которую издали в «исправленной» версии – миллионным тиражом? Если и Уголовный кодекс для оскорблённых чувств нипочём, то что для них авторское право? Интересы церкви почему-то постоянно приходят в прямой конфликт с наукой, с музеями, с городским пространством... И всегда это битва, а не предложение к сотрудничеству, солидарности, общему решению...

Такую церковь, к сожалению, видит наше культурное общество. Конечно, единственное, чего оно хочет, – чтобы таким образом в его жизнь не вмешивались. Даже извинения за элементарную уголовщину официально приносятся каким-то странным образом: мы, дескать, насилия не одобряем, но устроители первыми должны думать и не провоцировать. Это всё равно, что написать на воротах «религиозных чувств»: «Осторожно, злая собака!» Близко не подходить. О чём же должны были думать устроители? Что кого-то вдруг так оскорбят их экспонаты, что он пойдет всё крушить? Мы знаем такие примеры: крушили и картину Репина «Иван Грозный убивает сына», и рембрандтовскую «Даная». Так что же, устроители должны рассчитывать вот на такого зрителя? Это его чувства они должны щадить?

Те, кто совсем не знает, что такое церковная, приходская, общинная жизнь изнутри, видят только это. Видят православных активистов – моджахедов. Видят некую новую идеологическую инстанцию, угрозу новой цензу-

ры, невежественной и агрессивной. Мы знаем о церкви и совсем другое. Но нужно признать, что наш кредит доверия в обществе подорван.

Всё это мы уже видели. Религиозных чувств, охраняемых законом, тогда не было, зато были классовые принципы. Одним из этих классовых принципов был «научный атеизм». Этот научный атеизм ответственен за тысячи и тысячи жизней новых мучеников и исповедников. За разрушенные храмы, уничтоженные сокровища церковной культуры, осквернённые святыни. В соответствии с ним редактировали пьески «Детского альбома» Чайковского и «Тетради Анны Магдалины» Баха. Оттуда убрали «религиозные» названия. Теперь требуют убирать «антирелигиозные». Если не те же люди, то люди того же склада теперь защищают свои новые святыни. Такого выворачивания ещё в 1970-е годы невозможно было вообразить. Как кто-то заметил, у зла богатый гардероб. Каждый раз оно является в новом наряде.

Сегодняшний его наряд принято называть «клерикализацией государства» или «средневековым мракобесием». Это расхожая – и, по моему впечатлению, совершенно неверная характеристика положения дел. Исторические аналогии ему гораздо ближе к нашим дням, чем Средневековье (о котором знают не больше, чем в советские годы, когда оно было символом мрака и бреда). Для того, чтобы воевать с авангардом, церковь и религиозные чувства совсем не обязательны. С «дегенеративным искусством» с той же страстью воевали в гитлеровской Германии. Тоталитаризм так же боролся за «мораль» (не называя ещё этого «духовными скрепами»). Вспомним, например, пуританство сталинского социализма или тот факт, что гомосексуалисты в гитлеровской Германии просто подлежали истреблению. Полиция нравов («духовные скрепы») совсем не обязательно обоснована религиозно. Автор трёх наших гимнов так писал о пионере (не о православном отроке):

*Он гнезд не разоряет,
Не курит и не пьёт,
Не ездит на подножках,
Чужого не берёт.*

Но заметим: «Чужого не берёт!» Интересно, что в нынешний «моральный кодекс», в пресловутые «духовные скрепы» явно не входит осуждение воровства и коррупции. Вот это удивительно! Ведь явно не гей-браки и не авангардные спектакли представляют для современной России главную опасность, а воровство, в котором всё тонет, воровство и коррупция.

За все последние годы я ни разу не слышала, чтобы с публичной церковной трибуны кто-то напомнил, что воровать нельзя («Не укради»), что подкупать нельзя, что кривыми путями, в обход закона, достигать желаемого нельзя, что использовать собственное положение в целях обогащения нельзя, что организация общности по типу мафии – «совет нечестивых». Что всё это грех, а для нашей страны, может быть, – самый роковой грех. «Коррупция» – латинское *corruptio* – изначально означает «порча, гниение, разложение». Коррумпированное общество – это разлагающееся общество. Будущего у него нет. Разве не церковь должна была бы этим озаботиться? Как мне хотелось бы услышать голос чистого негодования и остережения! Такой православный голос многие слышали бы с облегчением. Это и была бы та «милость правды», с которой мы начинали.

Обличение – не первое дело церкви, но без напоминания о правде и покаянии её христианская миссия в мире немыслима.

Итак, наконец, мы переходим к разговору о покаянии. Эта тема, как мы помним, возникла ещё до начала перемен – в устах А.И. Солженицына. С самого начала надежда на очищение общества была связана с религиозным обращением, покаянием, «дорогой, которая ведёт к храму».

На какое-то время, в начале освободительных перемен, слово *покаяние* (общенациональное покаяние) стало едва ли не лозунгом. Фильм Т. Абуладзе «Покаяние», символически-притчевое повествование о преступлениях прошлого, в центр сюжета поставил разрушение древнего храма и уничтожение его защитников, лучших людей нации. Власть режима (символического «комедианта» Варлама) прямо названа властью сатаны. У «Покаяния» Абуладзе открытый конец: решительного прощения с Варламом так и не происходит. Судебное решение о нём не выносится. Напомню, фильм снят задолго до злополучного «суда над компартией».

Но о покаянии ли – в христианском смысле – шла речь в фильме? Я думаю, речь шла прежде всего о суде, о суде над историей, о «чистосердечном признании» на этом суде – и о возмездии. Помните, что происходит в фильме? Суд над женщиной, которая сама произвела суд над палачом своих родителей и не даёт предать его земле. Подсудимая требует справедливости и возмездия. Исторический приговор уже произнесён – это очевидно из рассказа подсудимой о прошлом. Остается его признать. И как бы в своего рода исполнение приговора, кончат с собой подросток, невинный внук дедушки-палача. Вряд ли это можно назвать покаянием в христианском смысле. Это возмездие.

Мы продолжаем публиковать материалы «Преображения летия Преображенского братства. Сегодня это доклад С.С. Аверинцева на фестивальной площадке «Церковь в диалоге с обществом»

Все верили, и я тоже, что, как только церковь будет реабилитирована, в храмах начнутся богослужения, зазвучит звон колоколов, отгоняющий нечистую силу, – всё сразу изменится. Этого, как мы знаем, не случилось. Во всяком случае, в национальном масштабе этого не случилось. Вероятно, очень многие люди пережили за последние десятилетия и настоящее обращение, и душевную перемену. Но, как ни странно это звучит, дорога к храму, массовое воцерковление не привели нас к национальному покаянию. Может быть, увели ещё дальше от него. Ответом эпохальному фильму Абуладзе стал фильм А. Звягинцева «Левиафан», самое значительное, на мой взгляд, художественное высказывание о новой эпохе. Сюжет его – чудовищная история построения храма на месте дома, бандитски отнятого у его хозяина, история унижения и гибели героев (в отличие от жертв Варлама, отнюдь не «положительных» персонажей). Фильм А. Звягинцева тоже обладает притчевой силой, и это притча о всевластии зла и его агентов – новых Варламов. Вот вам и продолжение темы «дороги к храму». Страшная траектория.

В то время, когда покаяние было общей темой и свидетельства обвинения открывались широкому читателю, обсуждение проходило в той же перспективе суда, что у Т. Абуладзе. Требовалось признать, что прошлое было преступным, и каким-то образом восстановить справедливость. Осудить если не самих палачей, то идеологию, которая к этому привела. Воздать жертвам

Иисус посмотрел вверх и сказал ему: Закхей, поспеши слезть; ибо сегодня надо Мне быть у тебя в доме. И он слез поспешно, и принял Его с радостью (Лк 19:5–6)

террора или их детям. При этом обычно ссылались на Нюрнбергский процесс, на пример Германии, принявшей на себя ответственность за содеянное и решившей расплатиться за него. Здесь требуется уточнение: суд над нацизмом изначально не был внутренним делом Германии. Его осуществляли победители. В нашем случае таких победителей не было. Только следующее поколение немцев, лично, непосредственно не «впутанное», словами Г. Бёлля, в историю нацизма, приняло решение об историческом раскаянии как о собственном добровольном выборе. Германское общество оказалось удивительно солидарно в этом историческом выборе. В германском покаянии были, конечно, и слабые стороны, которые с годами становятся виднее. Но я была бы счастлива, если бы у нас случилось что-то хоть немного похожее на это.

От признания правды о прошлом и готовности платить за него мы сейчас далеки, как никогда за последние 25 лет. Мы дальше от раскаяния, чем когда-нибудь, чем даже в доперестроечное время. Сами факты, за которые можно было бы принести покаяние, запрещаются к оглашению. Архивы становятся недоступными. Уже говорится об уголовном наказании «за фальсификацию истории», за оглашение каких-то фактов, которые будут противоречить официальной, триумфалистской версии истории. Поэтому – в чём каяться? Народу предлагается гордиться своим прошлым – всем и сплошь. Слово «гордость» стало главным словом последних лет. Его пишут даже на упаковках чая и конфет: «Нам есть чем гордиться!». «Сделано в России с гордостью!». В этой гордости предлагается всем слиться и стать едиными, а тех, кто с этим не согласен, считать русофобами и иностранными агентами. Особенно странно, что это сочетается с православной идеологией. Вставание с колен – хорошая вещь, но верующим как будто предлагается *опуститься на колени*, а то и сделать земной поклон? Это выражение преклонения перед святыней – и покаяния. А гордость?

ских встреч», прошедших в дни празднования 25-летия Ольги Александровны Седаковой, прозвучавший на заседании

Начало на с. 1

От неё вроде как отучают верующих? Вроде как, принимая Крещение, человек обещает отречься от сатаны «и всей гордыни его»?

Можно сказать, что сейчас на какое-то широкое, солидарное *раскаяние* в происшедшем, на суд над ним рассчитывать абсолютно не приходится. Эта возможность пропущена нашей страной, пропущена, на мой взгляд, уже второй раз. Первый раз это было во времена знаменитой «оттепели», когда как будто начали распутывать всё это, но прекратили, не завершив и не осмыслив.

Конечно, решительный поворот страны от надежды на новое к ностальгии по славному прошлому ничуть не отменяет необходимости той работы, которую продвигает Мемориал и такие прекрасные начинания, как «воскрешение имён», «последний адрес». Но заметим, что церковь в них принимает очень мало участия: это дело гражданского, то есть светского общества.

Но, как я говорила, это историческое покаяние, а точнее сказать, раскаяние, которого сейчас невозможно представить, не совсем совпадает с христианским представлением о покаянии или обращении. О нём я и хочу сказать – совсем немного.

Я хочу напомнить о том – собственно христианском – смысле покаяния или обращения, который вам, вероятно, хорошо известен. Покаяние, в отличие от раскаяния, от угрызений совести, обращено не в прошлое, а в будущее.

Обычно, когда думают о покаянии в духовной перспективе, начинают с греческого слова «метанойя» – перемена ума (его и передаёт церковнославянское «покаяние»). Вокруг «перемены ума» строятся разнообразные тонкие и глубокие рассуждения. Но исходный, библейский смысл гораздо проще и прямее. Лучше меня о нём рассказала бы А.И. Шмайна-Великанова, от которой я об этом и узнала. Обратиться – значит просто повернуться, перевести глаза – на то (или на Того), чего (или Кого) по разным причинам ты прежде не видел. Особенно ясен этот смысл в евангельских рассказах (так «каются» или «обращаются» те, кто встречает Христа, – Магдалина, добрый разбойник) и в раннехристианской литературе («Повесть об Иосифе и Асенеф»). Речь идёт не об «уме» и о его «перемене». Это буквально физический жест: человек обернулся в другую сторону: он смотрел на одно – и вдруг обернулся и увидел другое. Прежде, чем он обернулся, его окликнули. Так обычно бывает с покаянием и обращением: инициатива принадлежит не нам. Ожесточение – это отворачивание (как о фараоне сказано, что «сердце его превратилось», то есть отвернулось, а Захарии ангел обещает, что его сын пройдёт, «чтобы вновь обратить сердца отцов к детям»). Речь идёт просто о том, что человек обернулся, а скорбь о своём прошлом – это уже второе. Покаяние или обращение – это сначала изумление и великая, неведомая прежде радость, и уже потом, как у Закхея, желание поправить сделанное. Увидеть нечто такое, что, прежде чем устыдить, восхищает. Любит тебя, обещает любовь и чудо. Слёзы обращения – радостные слёзы. В ранних христианских памятниках покаяние изображают в слезах радости. Это не слёзы стыда, не слёзы чистосердечного признания. У человека теперь есть чем жить, он потрясён, он «как от обморока ожил» – и потому ему кажется совсем не так невыносимо, даже естественно «половину имения моего отдать нищим и, если кого чем обидел, воздать вчетверо», как обещает Закхей (Лк 19:8). И больше не кажется невероятным «впредь не грешить» (Ин 8:11).

Вот об этом покаянии и может свидетельствовать миру Церковь – о повороте, об обращении взгляда к Христу, к Тому, Кто тебя не осуждает, а наоборот, обещает такое, на что ты и не надеялся. Покаяние, в отличие от раскаяния, расплаты за прошлое, обращено вперёд, в будущее.

И вот здесь, как ни странно, наше положение не безвыходно. В самой теме отношений с прошлым стихийно и заметно сдвигается фокус общего внимания. Речь идёт уже не о «новом Нюрнберге», историческом суде, наказании виновных, а о восстановлении памяти о жертвах, о воскрешении имён. Люди явно что-то увидели. Может быть, они ещё не могут этого внятно выразить, и не в церкви им это показали. Но они увидели, что другой формы исторического покаяния, чем воскрешение памяти жертв, у нас сейчас нет. На ежегодных чтениях имён у Соловецкого камня чувствуется не только скорбь, но и что-то подобное пасхальному свету. Дело не в дороге, которая ведёт в храм, построенный на крови; может быть, и «храм», и «дорогу к нему» поняли слишком буквально. В конце концов, нам было сказано, что вся земля – это храм Отца.

Так вот, покаяние и обращение как поворот, простой поворот к тому, что обещает тебе прощение, милость, будущее – оно остаётся не только возможным, но уже исподволь происходящим в нашей жизни. Идею такого покаяния церковь и может сообщать миру и обществу – в лице своих людей, тех, кто сам – с той или иной силой – пережил что-то подобное. И один из первых знаков этого обращения – то, что человек понимает: нет такой цели, ради которой можно насиловать собственную душу, лучшее в себе.

Неповторимость лиц, входящих в круг

Ещё раз о славянофилах

Начало на с. 1

<...> В те же годы складывается кружок Полевого, ставший тоже под знак шеллингизма и романтики...

Около 1830-го года слагаются кружок Станкевича и кружок Герцена и Огарёва. Кружок Станкевича сложился под прямым влиянием Павлова, вокруг литературных и поэтических тем, в связи со старшим поколением любомудров. К Шеллингу присоединяется влияние Фихте. Впоследствии философская инициатива в этом кружке переходит к Бакунину. С середины сороковых годов начинается полоса гегелизма...

Ранний кружок Герцена тоже был романтическим. В романтический сплав вполне вбирались и мотивы сен-симонизма, «желание набросить миру новую религиозную форму», как говорил впоследствии Огарёв. Проблематика «утопического социализма» в основном была та же, что и в немецкой философии, и с таким же эмоциональным акцентом, и с тем же пафосом утопических предвосхищений...

В сороковых годах обозначаются новые группировки. Именно в сороковые годы впервые определяется всеразличие «западников» и «славянофилов». И разногласие меж ними обостряется в разделение и разрыв не сразу, только в середине сороковых годов...

<...> Философский подъём тридцатых и сороковых годов имел двоякий исход. Для одних открылся путь в Церковь, путь религиозного восстановления, – религиозный апокатастазис мысли и воли. Для других это был путь в безверие и даже в прямое богоборчество. Этот раскол или поляризация русской культурной элиты происходил именно на религиозном уровне.

Из главы «Историософия русской судьбы»

Славянофильство было движением очень сложным. Отдельные члены кружка во многом и очень чувствительно отличались друг от друга и много спорили, часто в полной непримиримости или несогласии. Не следует все эти живые различия заслонять какой-то воображаемой средней. У каждого был свой путь, и жизненная тема не у всех была одна...

Ив. Киреевский пришёл от романтики и шеллингизма. Хомяков через подобный искус сердцем никогда не проходил. Конст. Аксаков и Юрий Самарин перешли через острое увлечение тогда вновь распространявшимся у нас гегельянством...

Всего важнее здесь именно эта неповторимость лиц, живая цельность личных воззрений... Общим было только некое основное самоощущение, вот именно этот пафос «соборности»...

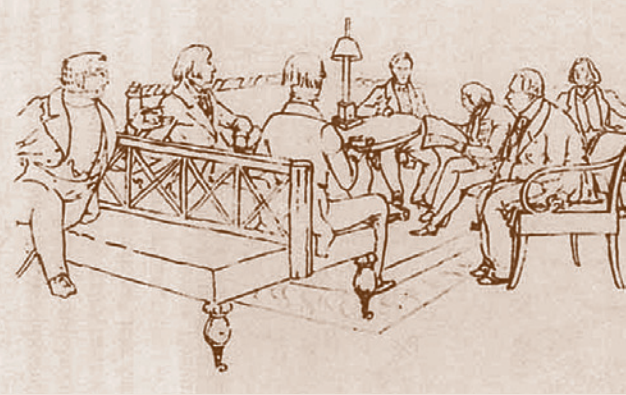
Из главы «А.С. Хомяков»

Образ Хомякова остаётся не совсем ясным и для нас. Мы не знаем, как сложился его твёрдый духовный и умственный характер. Из того, что мы знаем о его молодых годах, сложение его мировоззрения мало объясняется. Создаётся впечатление, что Хомяков «родился», а не «стал». Как говорит о нём Бердяев, «Хомяков родился на свет Божий религиозно готовым, церковным, твёрдым... В нём не произошло никакого переворота, никакого изменения и никакой измены»...

То верно, по-видимому, что Хомяков не проходил через сомнение и кризис, что он сохранил нетронутой изначальную верность. Однако, не нужно преувеличивать ровность и спокойствие его духовного темперамента, и не следует отождествлять этого «церковного спокойствия» с бытовой успокоенностью.

<...> Твёрдость Хомякова есть именно верность, мужество, самообладание. Не столько он «родился» твёрдым, сколько пребыл в твёрдости, напряжением своей верности. Бердяев удачно назвал его «рыцарем Православной Церкви». В этом отношении есть наглядное различие между Хомяковым и Конст. Аксаковым или Петром Киреевским, у которых врождённая невозмутимость, действительно, преобладает...

<...> О внутренней жизни Хомякова мы знаем слишком мало. Чуть ли не единственным свидетельством является рассказ Юрия Самарина, – и Самарин тоже подчёркивает, что это был единственный случай, когда Хомяков приоткрыл перед ним мир «собственных внутренних ощущений». Это было сразу же после смерти жены Хомякова. «Жизнь его раздвоилась. Днём он работал, читал, говорил, занимался своими делами, отдавал каждому, кому до него было дело. Но когда наступала ночь и вокруг него всё улеглось и умолкло, начиналась для него другая пора... Раз я жил у него в Ивановском. К нему съехалось несколько человек гостей, так что все комнаты были заняты, и он перенёс мою постель к себе. После ужина, после долгих разговоров, оживлённых его неистощимой весёлостью, мы улеглись, погасили свечи, и я заснул. Далеко за полночь проснулся от какого-то говора в комнате. Утренняя заря едва-едва освещала её. Не шевелясь и не подавая голоса, я начал всматриваться и вслушиваться. Он стоял на коленях перед походной своей иконой, руки были сложены крестом на подушке стула, голова покоилась на руках. До слуха моего доходили сдержанные рыдания. Это продолжалось до утра. Разумеется, я притворился спящим. На другой

Салон Елагиных. Изображены (слева направо): Д.Н. Свербеев, Д.А. Валуев, Н.Ф. Павлов, И.В. Киреевский, А.С. Хомяков, А.А. Елагин, К.С. Аксаков. Фрагмент рисунка Э.А. Дмитриева-Мамонова. Первая половина 1840-х гг.

день он вышел к нам весёлый, бодрый, с обычным своим добродушным смехом. От человека, всюду его сопровождавшего, я слышал, что это повторялось почти каждую ночь»...

Самарин заключает свой рассказ общей характеристикой. «Не было в мире человека, которому до такой степени (было) противно и несвойственно увлекаться собственными ощущениями и уступить ясность сознания нервическому раздражению. Внутренняя жизнь его отличалась трезвостью, – это была преобладающая черта его благочестия»...

<...> Верность Хомякова есть закалённость его духа. Его цельность не есть простая нетронутость, первобытная наивность, – она проведена через испытания, через искушения, если и не через соблазны.

<...> Вопрос об «источниках» богословских или религиозно-философских воззрений Хомякова никогда не бывал до сих пор поставлен с надлежащей конкретностью. Совершенно очевидно серьёзное знакомство Хомякова с отеческими творениями, с историей древней Церкви вообще. <...> Столь же бесспорно и основательное знакомство Хомякова с современной германской философией, с Гегелем и его противниками. <...> Только с оговорками можно, вслед за Влад. Соловьёвым, сопоставлять Хомякова с французскими «традиционалистами». Бердяев верно отметил: «здесь, у славянофилов, была гениальность свободы, – там, у традиционалистов, гениальность авторитета». <...> Вряд ли имеет смысл выдвигать и «влияние» случайных книг или авторов. Вообще сказать, вопрос о генезисе системы или мировоззрения нельзя подменять вопросом о «влияниях».

<...> И здесь остаётся вне спора, – Хомяков исходит из внутреннего опыта Церкви...

Он не столько конструирует или объясняет, сколько именно описывает. В этом и сила его. Как очевидец, он описывает реальность Церкви, как она открывается изнутри, через опыт жизни в ней. В этом отношении богословие Хомякова имеет достоинство и характер свидетельства.

<...> Быть в Церкви – это необходимое предусловие богословского познания. Христианство познаваемо только изнутри. «Сие исповедание постижимо, так же как и вся жизнь духа, только верующему и члену Церкви»...

Этот опытный характер богословствования у Хомякова отметил ещё Юрий Самарин в своём известном «предисловии». «Хомяков выяснил область света, атмосферу Церкви». Именно в этом его историческая влияние и значительность. Богословские сочинения Хомякова были изданы впервые уже только после его смерти, в богословский обиход они стали входить ещё позже, многие отнеслись к ним с недоверием. Это недоверие и осторожность вполне объясняются из новизны, – это была новизна метода, не новизна содержания. Это был призыв вернуться на «забытый путь опытного богопознания». Именно это ценили и ценят последующие поколения у Хомякова. Именно это в его богословии смущает приверженцев старого метода...

В богословском наследии Хомякова всего важнее его «Опыт катихизического изложения учения о Церкви» (издан впервые только в 1864-м году). Сам Хомяков написал его проще: «Церковь одна». Это сразу и тема, и тезис, – и предпосылка, и вывод...

Сразу же нужно определить тот «литературный тип», к которому этот катихизический «опыт» относится. Напрасно искать у Хомякова определений или доказательств. Он ставит себе и решает другую задачу. И ведь он исключает от начала саму возможность определять или доказывать с внешней убедительностью, связывающей или обяывающей также и неверующего. Хомяков отрицает саму возможность или надежду «доказать истину и дойти до неё собственной силой разума», – речь идёт о познании христианской истины. «Но силы разума не доходят до истины Божией, и бессилие человеческое делается явным в бессилии доказательств»...

Хомяков сознательно не доказывает и не определяет, – он свидетельствует и описывает. Вместо логических определений он стремится начертать образ Церкви. Он старается изобразить её во всей её духовной жизни и самоочевидности. И ещё – он призывает взять ключ и войти в церковные врата.

Из книги прот. Георгия Флоровского
«Пути русского богословия»

О безграничности Божьей любви

Конференция «Милосердие и прощение» прошла в монастыре Бозе в Италии

По благословению Святейшего патриарха Московского и всея Руси Кирилла в конференции приняли участие представители Русской православной церкви: епископ Североморский и Умбский Митрофан, представитель патриарха Московского и всея Руси при патриархе Великой Антиохии и всего Востока игумен Арсений (Соколов) и заведующий Службой переводов Отдела внешних церковных связей Московского Патриархата иерей Арсений Черникин.

Владыка Митрофан зачитал приветственное послание председателя ОБЦС митрополита Волоколамского Илариона к участникам конференции.

Преподобный Митрофан Североморский посвятил своё выступление духовному пути святого равноапостольного князя Владимира.

В симпозиуме приняли участие представители Римско-Католической церкви, Поместных православных церквей, протестантских общин, Древневосточных и Восточнокатолических церквей, а также видные церковные учёные и богословы.

Из новости на сайте Отдела внешних церковных связей МП

Из дневника участника конференции декана СФИ Зои Дашевской:

9 сентября

Первый день был, как обычно, днём приветствий и «флагманских» докладов.

В своём слове на открытии конференции настоятель монастыря Энцо Бьянки напомнил слова преп. Нила Сорского: «Тот, кто знает о своём грехе и свидетельствует о милосердии Господнем, выше того, кто воскрешает мёртвых». Господь принимает раскаявшихся грешников, потому что Он – Любовь. Наша же реакция на милосердие Иисуса обычно такова: «Это слишком много, это превышает все пределы». Мы думаем, что все будут повторять побег блудного сына, если будут уверены, что всё равно есть прощение. Безмерное милосердие, безусловное – смущает нас. Но ведь это

милосердие требуется от нас на каждой литургии.

Выступал владыка Каллист (Уэр) с экзегетическим разбором мест о милосердии и прощении в Евангелии и в творениях старца Силуана, свт. Григория Нисского, Марка Отшельника. Выступали кардинал Вальтер Каспер и о. Джон Бэр.

Здесь все – и хозяева, и участники конференции – знают о том, как прошло 25-летие Преображенского братства; сразу говорили об этом, расспрашивали. Многие видели фотографии в сети.

10 сентября

В первой половине дня доклады были посвящены монашескому опыту: прп. Пахомия, Газских отцов, прп. Исаака Сирина и прп. Нила Сорского. Особенно был интересен доклад проф. Димитроса Мосхоса из Афинского университета. Он работает с источниками – аутентичными текстами последователей Пахомия на коптском языке и в переводе на латынь, и его находки были чрезвычайно интересны. Вот вкратце изложение части доклада, близкой и актуальной для подлинного коммюнитарного движения:

Великое начинание Пахомия впоследствии раздробилось на отдельные элементы: послушание, бесребреничество и безбрачие. Но на практике именно выстраивание общины было новым Сионом, новым царством, которое было действием милосердия Божьего для всех, собравшихся в общину. Идея Пахомия состояла в том, что совместное действие, общая молитва, жизнь и служение могут реализовать единство созерцательного и деятельного начал. Современный же человек, напротив, склонен к манихейству.

Интересен был и доклад проф. Себастьяна Брока «Исаак Сирин. Справедливость и милосердие в Боге». Преподобный Исаак ставит эти категории в эсхатологический контекст: «Не называйте Бога справедливым, пока вы несправедливы в отношении вас, проявляя к вам много милости». После грехопадения Бог явил Себя людям как Судья, а впоследствии как Господин. От пришествия Христова и далее Он являет Себя как

Отец и не хочет действовать по отношению к нам как Господин и Судья. Бог не наказывает, но дисциплинирует нас, чтобы уподобить нас Себе. Преподобный Исаак дивится безграничности Божьей любви; для него немыслимо, что Бог кого-то оставит в мучениях навечно. Он считает, что геенна имела начало (после грехопадения), а значит, будет иметь и конец; мучения в ней психологические, а не физические, они связаны с осознанием огромности любви, против которой грешники согрешили.

11 сентября

Сегодня митрополит Каллист (Уэр) замечательно говорил о том, что основной проблемой современного богословия является человек и антропология, как в прошлом столетии – церковь и еkkлезиология. Кстати, в теме ЧЕЛОВЕКА все единодушны: и Петрос Василиадис, и вл. Каллист, и о. Джон Бэр говорили в одном ключе о том, что эта тема сейчас на острие богословия.

Настоятель монастыря Энцо Бьянки благодарит участников конференции

Мне кажется, главное – то, что здесь встречаются люди, которые в другом месте никогда не встретятся

Интервью с игуменом Арсением (Соколовым), представителем патриарха Московского и всея Руси при патриархе Великой Антиохии и всего Востока

В чём Вы видите значение этих конференций?

Это очень важная площадка, посвящённая православной духовности, пожалуй, самая представительная во всей Западной Европе. Где ещё проходит такой форум вне России, Украины, Белоруссии? В западном мире, католическом и протестантском, другого такого широкомасштабного мероприятия, посвящённого осмыслению путей русской духовности, вообще православной духовности, по-моему, нет. Поэтому важно, чтобы всё это не «заглохло». Ведь конференция проходит уже 23-й раз, а всё, что имеет начало, обычно имеет конец. Уже возникают проблемы с поиском тем, хотя до сих пор темы поднимались разнообразные и очень важные. Мне больше всего понравилась тематика, поднимавшаяся года два или три назад и посвящённая Священному Писанию, – «Слово Божие в Церкви». Сегодняшняя тема – милосердие и прощение – тоже, безусловно, актуальна.

Какие доклады на этой конференции показались Вам наиболее интересными?

Из тех докладов, что я слышал, мне очень понравился доклад по Исааку Сирину, который представил профессор из Англии Себастьян Брок, один из ведущих специалистов-сириологов в мире. Ещё один такой специалист живёт, кстати, в Бозе – монах Сабино Кьяла. А у нас в России можно назвать митрополита Илариона (Алфеева).

К слову, сирийская традиция нам почти совсем неизвестна. Септуагинту, Библию александрийских иудеев, мы знаем, а кто будет переводить Таргумы – Библию палестинских и месопотамских иудеев? Пешитту, Библию сирийских христиан? Кто будет исследовать арамеоязычную традицию? Сирийских отцов церкви? Сколько я ни задаю эти вопросы, никто не возгорается...

Профессор Брок сказал мне, что никогда богословием не занимался; он филолог. Церковная тематика возникла только в связи с его филологическими штудиями.

Богословия нет без филологии. Великие учителя Церкви – отцы-каппадокийцы, Златоуст на Востоке, Августин, Иероним, Григорий Великий на Западе – все филологи.

К сожалению, не все филологи – богословы...

Если же вернуться к конференции, пример монашеской общины Бозе показывает, что монастырь, собирая силы, не может жить для себя. Он может служить миру, как, например, монашеская община братьев и сестёр в Бозе служит единству христианских церквей. Чему мы могли бы у них научиться? Терпеливому осуществлению служения, призвание к которому они ощутили?

У них очень многогранная деятельность. Они ведь не только конференции проводят. У них идёт большая внутренняя работа. Помимо хозяйственной деятельности и всяких рукоделий у них ведётся большая научная работа в области библеистики, патрологии. А что касается христианского единства – они это единство осуществляют в своей общине, в общей жизни. У них в общине не только католики. У них есть реформаты, есть и православные. Монахиня София, профессор из Рима, – православная. До этого был митрополит Эмилианос (Тимиадис), ныне покойный, – православный.

Какой, на Ваш взгляд, церковный плод получает Русская церковь от участия в этих конференциях? Главы нашей делегации меняются, тем не менее, есть какой-то традиционный состав участников. И это, конечно, даёт некий импульс не только для этого ограниченного количества людей, но и для церковной ситуации в целом.

Для нас очень важно послушать мнение других, по дискутировать, расширить свой кругозор, понять и осмыслить, что не все думают так, как ты, и есть разные точки зрения на одни и те же проблемы. Без этого диалог невозможен, его не может быть, когда все согласны. Мне кажется, это главное – то, что здесь встречаются люди, которые в другом месте никогда не встретятся. Организаторы конференции создают площадку для встречи людей, которые обычно на диалог не настроены. А здесь сами условия, общая дискуссия

и общее застолье настраивают их на то, чтобы, как ска- зал сегодня в своём выступлении львовский епископ Филарет, посмотреть в глаза друг другу.

В этом году Преображенскому братству исполнилось 25 лет. Что бы Вы хотели ему пожелать?

Хочу пожелать возрастать в Духе и Истине. И не угашать духа.

Беседовала Зоя Дашевская

Представители Преображенского братства и Свято-Филаретовского института свящ. Павел Бибин и Зоя Дашевская с проф. Себастьяном Бромом

«В 1935 году “как будто что-то выключили в городе”...»

3 сентября в Нарышкинских палатах Высоко-Петровской обители состоялось открытие выставки «Тайные монашеские общины Высоко-Петровского монастыря в 1920–1950-е годы». Общины, сохранившиеся даже после закрытия и разорения обители, были одним из духовных центров Москвы 1920–1930-х годов. Игумен Пётр (Еремеев), наместник монастыря, отметил, как важно хра-

А.Л. Беглов проводит первую экскурсию по только что открывшейся экспозиции

На кого рассчитана выставка – на церковных людей или на всех интересующихся?

Она рассчитана на самый широкий круг. Теоретически она рассчитана на молодёжь и подростков, но я думаю, что, конечно, она будет интересна и всем более-менее церковным людям, и не-церковным. Нецерковным – как новые факты истории, церковным – как новые факты истории церкви, которые в таком, «визуальном», формате ещё не были представлены. Действительно, было много публикаций, были обнародованы мемуары членов монашеских общин, но посвящённой этим общинам экспозиции (у нас есть к ней ещё и видеосопровождение) до сих пор не было.

Что Вы хотели сказать этой экспозицией?

Мы хотели сделать акцент на жизни этих людей – не на политике советской власти, не на внешних обстоятельствах церковной истории, а на принципах, которыми они жили.

Это были принципы сохранения монашества, сохранения православной аскетической традиции, духовной культуры православия.

Можно назвать три основных элемента, характерные для жизни этих общин. Это молитва, частная и общественная (в храме, в келье и т. д.). Это окормление у духовного руководителя, старца, регулярное исповедание помыслов. У нас есть отдельный стенд, посвящённый этому духовному руководству. Поскольку оно было достаточно традиционным в своей основе, для него могли искать новые формы. И наконец, это работа ради Бога, ради братства, то есть то, что называется монашеским словом «послушание». Оно естественным образом достаточно интересно модифицировалось в советской ситуации, потому что, конечно, тайные монахи не могли вместе где-то работать – хотя были и такие случаи.

Когда вместе селились небольшие группы?

Да, например, в одном скиту инокини работали вместе, помогая выполнять заказы по шитью своей старшей сестре, которая была регентом. Она числилась в артели портных, а шили все её сестры вместе. Сохранились очень интересные советы о том, как вести себя в обществе, как

жить в человеческой памяти моменты истории, особенно такого нелёгкого периода церковной жизни. «Хотел поделиться ещё одним впечатлением в этой связи. Думаю, это будет очень близко многим священникам. Когда совершаешь проскомидию и поминаешь почившую братию монастыря, то вдруг замечаешь, что уже перешёл на здравствующих и о себе по-молился. Удивительным образом стираются привычные границы «О упокоении» и «О здравии», возникает особое чувство единства во Христе», – заключил он.

На открытии выставки выступили также Леонид Андреевич Беляев – археолог, историк архитектуры, который в своё время работал на раскопках храма Святителя Петра и близлежащего монастырского некрополя, и организатор выставки – Алексей Львович Беглов, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института всеобщей истории РАН.

Закончил торжественное открытие

Интервью с организатором выставки А.Л. Бегловым

и до какой степени маскировать, скрывать своё монашество.

А что ещё было новым в этом опыте?

Новым было то, что они жили и оставались христианами и монахами тогда, когда все внешние обстоятельства были против этого. Это каждый раз совершенно новый опыт. И для них, безусловно, это был опыт, в который они входили впервые. Понятно, что у большинства из них, по крайней мере, из духовников, жизнь начиналась до революции, в совершенно, принципиально других условиях. И вот они вошли в эту огненную печь. И остались верны.

В воспоминаниях С.И. Фуделя говорится о том, что уже перед революцией было ясно: Зосимова или Оптина – это те места, где духовная жизнь глубока, и это собирает людей. Но были и другие монастыри, и не один, где обмирщение было очень сильным (автор вспоминает монахов, выбегавших из алтаря покурить во время литургии и т. п.). Известно, что многие из новомучеников воспринимали то, что происходило после революции, как «суд, который совершается над Русской церковью». Было ли такое сознание среди членов общины Высоко-Петровского монастыря, и если да, то что, на их взгляд, прежде всего нужно было в исправлении?

Они построили абсолютно традиционный для православного монашества и при этом принципиально новый монастырь – трудовой, общежительный. Но поскольку, как они сами говорили, главное их дело было «плакать о внутреннем мертвце», то задача транслировать что-то, проповедовать даже опыт этого монастыря, не стояла. Это были очень сдержанные люди, в каком-то смысле очень духовно целомудренные. И поэтому вся история появления тайного монашества и распространения его вовне очень естественна. Видно, как она возникает просто потому, что появляются люди, которые склонны к этому пути. И духовники не отказывают им, они их принимают и делятся с ними своим духовным опытом.

Другое дело, что, действительно, зосимовские отцы, которые пришли сюда, в Петровский монастырь, со временем (видимо, не сразу) осознали тайное монашество как свою миссию, призванную сохранить монастырскую культуру, духовную жизнь, аскетическую традицию. И это очень хорошо видно в письмах и проповедях. На определённом этапе это фиксируется как некое призвание.

Выставка посвящена тайным монашеским общинам. Но в то же время то, что представлено в экспозиции, отражает прежде всего «вертикальные» отношения пасомого с духов-

Так вспоминали москвичи массовые аресты по «делу нелегального Высоко-Петровского монастыря»

экспозиции фильм, в названии которого повторяется название выставки. В фильме использованы фрагменты записи рассказа схимонахини Игнатии (Пузик) о её личном пути к монашеству и о тайной Петровской монашеской общине.

На выставке представлены оригиналы и фотокопии уникальных фотографий и документов, а также вещи из частных и церковных собраний. Благодаря этим вещам воссоздан интерьер скита во имя иконы Божией Матери «Знамение», который был основан в 1927 г. архимандритом Игнатием (Лебедевым) в 26-й квартире дома № 3 по Печатникову переулку и был центром сокровенной жизни его тайной монашеской общины.

Выставка работает в монастыре на постоянной основе, правда, пока что посетить её можно только заказав экскурсию в паломнической службе Высоко-Петровского монастыря по телефону +7 903 670 64 74

ником. Известно, что руководители петербургских братств или мечёвских общин писали общие послания ко всей общине. Сохранилась огромная переписка общины отца Сергия (Савельева). А здесь такие послания не сохранились или, может быть, это было не принято?

Когда отец Игнатий, один из наиболее известных духовников Петровского монастыря, был в заключении, его письма, которые опубликованы (здесь они представлены), – это, конечно, письма ко всей общине. Другое дело, что даже в этих общих письмах он ухитряется сказать пару слов зашифрованным образом кому-то лично, персонально. Собственно, сама история скита иллюстрирует историю горизонтальных связей. Но всё равно нужно понимать, что даже в их общинках, небольших духовных семьях, всё равно они выстраивали некую достаточно чёткую иерархию. Там были, например, старшие по постригу сёстры, которые были вроде игумений. И хотя понятно, что никакой иерархической власти у них не было, это был момент авторитета, но он сохранялся, и все признавали это.

Какое влияние, может быть невидимое глазу, оказал на церковь этот опыт, который действительно не мог широко транслироваться?

Об этом сохранились воспоминания. Пока у Петровского монастыря было легальное воплощение в Москве (до 1935 года эта община существовала, постепенно переходя из храма в храм), это был мощный центр с широкими связями, которые переходили границы церковно-политических ориентаций. Например, петровские отцы, которые были поминателями, поддерживали духовные связи с кругом о. Валентина Свенцицкого, который был непоминающим. Часть его духовных детей пришла сюда, в монастырь. А в 1935 году*, тоже по воспоминаниям, «как будто что-то выключили в городе». И позднейшее влияние – это было личное влияние членов этих монашеских общин на тех людей, которые были рядом с ними, потому что они продолжали свою миссию, продолжали воцерковлять, продолжали проповедовать Христа.

Беседовали Светлана Чукавина и Александра Колымагина

* В конце мая – начале июня 1929 года был закрыт Боголюбский собор, последний из шести храмов Высоко-Петровского монастыря. Члены общины перешли в храм Преподобного Сергия Радонежского на большой Дмитровке (ныне не существует), а в 1933-м, когда и этот храм закрыли, – в храм Рождества Богородицы в Путинках. Судя по письмам и воспоминаниям, община продолжала восприниматься как «петровская» вплоть до конца февраля – начала марта 1935 года, когда по «делу нелегального Высоко-Петровского монастыря» были арестованы архиепископ Варфоломей (Ремов), схимандрит Игнатий (Лебедев), игумен Митрофан (Тихонов), иеродиакон Филарет (Безруков) и некоторые другие активные участники жизни тайного монастыря. Летом того же года владыка Варфоломей был расстрелян.

Крестный ход в день памяти святителя Петра

Среди торжеств, приуроченных к 700-летию начала служения в Москве святителя Петра и 700-летию основания Высоко-Петровского монастыря, многим, наверное, запомнился крестный ход от Успенского собора Кремля к древней обители. В нём приняло участие более 10 тыс. человек.

Вообще, крестные ходы в постперестроечной России не новость. Их совершают на Пасху и на престольные праздники, в дни масштабных мероприятий и в непростых ситуациях – с мощами святых и чудотворными иконами. Но вот чтобы из Кремля к стоящей на Бульварном кольце обители, – такое первый раз.

С соборной площади мимо царь-пушки и царь-колокола с молитвенным пением православные прошли не прямо к Боровицким воротам, а направо, мимо арсенала, к зданию которого туристов обычно не подпускают. И вот уже арки узких Никольских ворот, Исторический музей. Под ногами брусчатка Красной площади.

Трудно, да, наверное, и не нужно, рассказывать о том, что испытываешь, когда идёшь вместе с верующим народом. Много разных коннотаций, многое оказывается связанным в одну нить. Тут и река времён, связь поколений, традиция. И «наш ответ Чемберлену»: ещё вчера здесь играли поп-музыканты, дрыгались весёлые толпы. Сегодня идут другие люди, спокойно и радостно. Хотя нет, не всё так просто и в этой толпе. Вот какой-то ряженный казачок размахивает флагом с изображением последнего государя. Вот какая-то женщина в белом, психический не очень уравновешенная, истово крестит Госдуму со словами «изыди, изыди!». Но стоит ли обращать внимание на пустяки?

Люди идут, поют псалмы и молитвы. Полиция и добровольцы немногого руководят: пропускают какую-то часть верующих вперёд и ставят барьер из металлических заграждений. Иначе нельзя, ходынка.

Перед Петровским монастырём сооружена импровизированная часовня, куда водружают икону. Начинается краткий молебен. Усилители разносят по всей Петровке слово патриарха.

Странная всё-таки география. Лет тридцать назад, гуляя по этой самой улице, я написал: «В дружественной обстановке/я шагаю по Петровке,/ где аптека, где музей,/ где троллейбус-бармалей/ и с весёлою толпою,/ с газированной водою,/ всё мечтаю, всё спешу,/ одиночеством дышу».

Можно ли было подумать тогда, что пространство может так сильно измениться. Вроде бы те же самые дома, такие же прилично одетые горожане, а общая атмосфера вот здесь и сейчас совсем другая: много живых глаз, много пересечений. Хотя... Нет-нет, не будем впадать в критику, жаловаться на болтливых старушек и летающие, как вертолёты, идеологии. Лучше послушаем патриарха. Он говорит о главном служении святителя Петра: «...вспоминая его святое имя, мы в первую очередь вспоминаем подвиг хранения единства Руси, исторической России».

Борис Колымагин

Мы попросили и других участников крестного хода поделиться своими впечатлениями

Татьяна Панкова: Мы участвовали в крестном ходе всей общиной. Было много организованных групп (хоры из приходов, патриотические организации, семинаристы, студенты богословских учебных заведений и т. д.), много молодёжи. Так как это происходило в День города, то, конечно, были и случайные люди, но в первую очередь вокруг нас были верующие. Порадовало знакомство с членами сестричества, к которым мы собираемся прийти в гости.

Светлана Сонина: Жалко, что не было общего пения, оно стихийно возникло, но пели вразнобой и в разных местах разное. А то, что, как объявил патриарх, в Высоко-Петровском монастыре и в соборах Кремля теперь все богослужения будут с открытыми царскими вратами по «Отче наш», нас всех очень порадовало.

«Наша цель – развитие церковной науки»

Начало на с. 1

Интервью с А.Р. Фокиным, зав. кафедрой богословия Общецерковной аспирантуры и докторантуры им. свв. Кирилла и Мефодия

Связано ли это в каком-то смысле с тем широким контекстом, который стремятся задать на ежегодной конференции в Бозе? Там ведь всегда есть часть, посвящённая святоотеческому наследию. Да и вообще круг людей, которых интересует эта тематика, достаточно широк.

Нет, напрямую не связано. Но Вы правы – действительно, сегодня за рубежом существуют сотни специалистов-патрологов, у нас же в России их можно перечислить по пальцам. Недавно я был на большой патристической конференции в Оксфорде*, там собралось девятьсот с лишним специалистов-патрологов со всего мира. А от России там было совсем немного – меньше десятка. Мы сейчас очень отстаём в изучении святоотеческого наследия. Однако, как я уже сказал, наша патристическая конференция носит чисто академический характер и призвана познакомить наших преподавателей и студентов с достижениями зарубежных учёных.

То, что мы отстаём – не удивительно, ведь церковная жизнь и богословская наука в советское время, то есть практически всё последнее столетие, изводились под корень...

Да, действительно, по сравнению с западной наукой у нас в советское время патристика практически не изучалась. Русская эмиграция могла хоть как-то конкурировать и соответствовать уровню западных научных исследований. Вспомните парижскую богословскую школу, которой наследует не только Свято-Сергиевский богословский институт, но и Свято-Владимирская семинария, возглавлявшаяся о. Александром Шмеманом и о. Иоанном Мейендорфом. А внутри России эта традиция по понятным причинам прервалась. До революции у нас была серьёзная академическая школа изучения патристики – достаточно вспомнить хотя бы имена Болотова, Попова, Сагарды, Глубоковского, Епифановича, которых высоко ценили во всем научном мире. А потом – долгий провал. Конечно, после Перестройки у нас появились хорошие специалисты-патрологи, много сделавшие для изучения и переводов древних отцов Церкви. Но догонять далеко ушедший поезд – это очень трудно... Другой вопрос в том, что западная патрологическая наука сейчас очень секуляризована; в ней приняты другие стандарты, другие подходы к святым Отцам, нежели у нас до революции, да и сейчас в духовно-академической среде. Там отцами всерьёз занимаются и атеисты, и агностики, и люди, не живущие церковной жизнью. А у нас святоотеческое наследие традиционно изучалось в семинариях и академиях. До революции у нас не было светских богословских учебных заведений или факультетов. Поэтому у нас сложилось особое, трепетно-благоговейное отношение к наследию святых отцов. Более

того, мы уверены, что это – наша живая традиция, и только мы её можем изучать и понимать, а на Западе будто бы никто ничего не понимает, они люди нерелигиозные, или схизматики, или еретики... Такое отношение к западной науке во многом остаётся у нас до сих пор. Но надо всё-таки понимать, что среди учёных на Западе есть разные люди. Там тоже немало серьёзных и глубоко верующих патрологов – и среди католиков (особенно), и среди протестантов, и, конечно, среди православных. Есть много таких учёных, которые стали православными именно через изучение святых отцов. Например, Ярослав Пеликан, Жан-Клод Ларше, Дэвид Брэдшоу. И они пытаются вести православную миссию среди западных учёных через свои труды.

А каково значение православных вузов в этой миссии?

Насколько мне известно, сейчас в Парижском Свято-Сергиевском институте непростой период, зато в Нью-Йорке – большой подъём и расцвет наук: в Свято-Владимирскую семинарию приезжают получать богословское образование студенты со всего мира, в том числе из Австралии, Канады, Новой Зеландии. Потом они работают в своих странах на приходах, в семинариях или преподают в университетах наравне с другими специалистами мирового уровня. Из православных учёных на Западе очень активны сейчас греки и румыны, они присутствуют и в светском, и в богословском образовании. В самой Греции, Румынии, Болгарии есть богословские факультеты в государственных университетах; многие возникли после развала коммунистической системы. У нас же в России до сих пор нет ни одного богословского факультета в светском вузе, есть только кафедры теологии. Но чем там занимаются – самым разным, только плодов что-то маловато. А ведь сейчас ничто не препятствует созданию богословских факультетов. И государство к этому расположено. Правда, большой проблемой, до сих пор не решённой, остаётся признание богословских степеней, кандидатских и докторских, со стороны государства. Сейчас наш ректор, председатель Синодальной богословской комиссии митрополит Иларион вместе с ректором Свято-Тихоновского университета прот. Владимиром Воробьевым пытаются решить вопрос в ВАКе (Высшей аттестационной комиссии. – Ред.) о создании первого диссертационного совета для защиты кандидатских и докторских работ по богословию – чтобы они признавались государством как учёные степени. Будем надеяться, что вскоре мы увидим результаты этой совместной работы.

Беседовала Александра Колымагина

* Подробнее об этом можно прочитать в статье на сайте ОЦАД. Режим доступа: <http://doctorantura.ru/ru/news/1894-zaveduyushchij-kafedroj-bogosloviya-prinyal-uchastie-v-xvii-oxfordskoj-patristicheskoy-konferentsii>

На патристической конференции в Оксфорде, август 2015 (фотография с сайта ОЦАД)

«Перед нами стоит острый вопрос о возрождении целостной и живой церковной среды»

Интервью с Л.Ю. Мусиной, зав. учебно-методическим отделом СФИ, аспирантом ОЦАД

Лариса Юрьевна, каковы, на Ваш взгляд, сегодня главные задачи в сфере возрождения богословской науки в нашей стране?

Повышение академического уровня в российском богословском образовании и науке – это, безусловно, острейшая задача, стоящая сегодня перед церковью, потому что здесь мы сейчас во многом живём некими осколками. С одной сторо-

поколение христианского богословия, – все они жили, как и мы живём, одновременно в пространстве божественного Откровения и Нового Завета, и в то же время в своём историческом периоде, в своём обществе, взаимодействуя со своей эпохой. Они существовали не в вакууме, как это иногда может кому-то казаться. Они жили, и мы можем и должны у них учиться.

Возможно, кто-то из выпускников и первокурсников Свято-Филаретовского института, принимающих поздравления от ректора, станет со временем известным богословом...

ны, существуют достижения российской науки XIX – начала XX века, которая, конечно, была очень серьёзной для своей эпохи, – но ведь она прервалась вскоре после своего старта и по понятным причинам не смогла продолжаться здесь, в России. С другой стороны, сегодня в церкви уже начали появляться учёные-специалисты – кто-то так или иначе получил академическую подготовку и причастен к настоящим исследованиям. Но ещё чрезвычайно далеко до того, чтобы можно было говорить о сколько-нибудь целостной академической среде в каких-либо областях богословского знания – в литургике, патристике и так далее. Может быть, положение несколько лучше в библистике, потому что эти исследования примыкают к светской науке о древних культурах. Круги, которые объединяли бы специалистов, пока не сложились, церковно-научная среда состоит из немногочисленных единиц.

При этом очень важно видеть, что кроме чисто академического смысла этой задачи и востребованности научного знания есть ещё сугубо церковная нужда в таком знании, его церковная востребованность. Наука, конечно, ценна и сама по себе, она никому не обязана доказывать, что имеет право на существование. Но для церкви богословское академическое знание сугубо важно ещё и потому, что оно помогает углублению нашей веры. Кроме того, оно и само вырастает только из жизни церкви, и поэтому помимо собственно академической задачи перед нами так же остро стоит вопрос о церковной рецепции. Откуда могут родиться критерии релевантности, критерии оценки этого особого, хотя и академического знания? Где пути его усвоения? И тут перед нами встаёт ещё более острый вопрос о возрождении целостной и живой церковной среды. Мы живём верой в церковь как единое духовное пространство, где действует Святой Дух и где академическое богословское знание открывает для нас духовные пути христиан предыдущих поколений и помогает лучше знать свою веру и свои сегодняшние пути. Ведь и апостольское поколение христиан как поколение Священного Писания, и святые отцы как

Учиться ведь можно по-разному. Мне приходилось не раз слышать очень академично выстроенные доклады с большим количеством отсылок к специальной литературе, не предполагавшие при этом никакого возможного практического воплощения, применения этого знания в современной церковной жизни. Оправдано ли это?

Когда учёный изучает духовный опыт церкви прошедших времён, очень важно, чтобы он сам был причастен к подлинному опыту церковной жизни. От этого зависит в том числе то, насколько адекватен он будет в своих академических подходах и оценках. Потому что в противном случае может оказаться так, что наиболее глубинные вещи, наиболее серьёзные основания, которые двигали теми людьми, творения которых он изучает, от него ускользают, он просто не понимает их сути. Поэтому на самом деле возрождение церковной среды и возрождение академического богословского знания – это, вообще-то говоря, единые вопросы.

И каково здесь место СФИ?

Наш институт существует не сам по себе, он вписан в большую программу, целую систему церковного просвещения, начинающуюся с программ, направленных на людей, ещё только ищущих веры, и заканчивающуюся работой с теми, кто получает высшее богословское образование. Конечно, в плане академическом мы отчасти проигрываем. У нас просто не хватает сил на многие вещи, необходимость которых мы вполне сознаём. Скажем, наш интерес к святоотеческому наследию достаточно избирательный, он связан прежде всего с основной тематикой института – таинством Просвещения в церкви и с экклезиологией, с тем, как церковное Предание может усваиваться и жизненно воплощаться современным верующим человеком. Но мы стараемся искать возможности для усиления академической компоненты, видя в этом большую ценность. Какое-то количество наших выпускников защищает диссертации, в том числе за рубежом.

Беседовала Александра Колымагина

От составителей

Прошлый номер Архангельского регионального выпуска, вышедший два года назад, был практически целиком посвящён истории епархии. В нём рассказывалось о деятельности владыки Иоанникия (Казанского), возглавлявшего епархию в начале XX века, о выступлении представителя Архангельской епархии священника Павла Ильинского на Поместном Соборе 1917–1918 года, о том, что думали священнослужители епархии о необходимости приблизить текст богослужебных песнопений к пониманию народа. Лишь фрагмент из письма Н.А. Струве, написанного в 1998 году по впечатлениям архангельской поездки и адресованного А.И. Солженицыну, говорил о жизни архангельских братств, в 1990-е годы ещё только формировавшихся.

Сегодня наш номер расскажет о современной жизни епархии глазами братчиков. Это будет рассказ о самых разных встречах – и общецерковных, и миссионерских, и общественно значимых, – в которых члены архангельских братств были участниками или организаторами, и о том, что значит в жизни братств духовное образование.

Знакомя наших читателей с этими материалами, мы одновременно представляем ему и блог трёх архангельских малых православных братств, носящих имена архангелов Михаила, Гавриила и Рафаила. С опубликованными здесь и с другими не менее интересными материалами можно познакомиться на нём по адресу http://sretenie_portal.livejournal.com/

Редактор блога «Сретение» Александр Колеин

Герб Архангельска

На родине святого праведного Иоанна Кронштадтского

С 12 по 14 июня 2015 года в селе Сура Пинежского района Архангельской области проходили международные юбилейные торжества «Благодарная Россия – великому пастырю», посвящённые 25-летию со дня прославления в лике святых Русской православной церковью святого праведного Иоанна Кронштадтского.

Малая родина пастыря собрала представителей из 138 епархий России, ближнего и дальнего зарубежья, иерархов и священнослужителей, членов Иоанновской семьи из 22 стран мира, просто паломников – всех, кому дорого имя всероссийского пастыря.

Нам, членам малых православных братств во имя архангелов Михаила, Гавриила и Рафаила, представилась счастливая возможность стать участниками торжественных мероприятий 13 и 14 июня в Суре.

Церковные торжества начались с крестного хода, в котором и мы приняли участие. Шествие направлялось от Успенского собора к Никольскому храму Сурского Иоанновского женского монастыря по улице Иоанна Кронштадтского (названной в честь пастыря за дома, выстроенные на его деньги) и завершилось благодарственным молебном на Никольской площади.

Следующая часть программы была экскурсионная. Для гостей Суры предлагалось несколько маршрутов, позволяющих узнать историю села, окунуться в деревенский быт, полюбоваться красотами северной природы, познакомиться с пинежским фольклором и ремёслами и, конечно же, прикоснуться ко всему, что связано с именем святого праведного Иоанна Кронштадтского. Мы выбрали два маршрута: источник святого Николая Чудотворца и Поклонную гору – любимое место гуляния всероссийского пастыря. Поклонная гора нас поразила своей красотой и чистотой северного леса. Именно с этой горы открывался необычный вид на Суру. Из рассказа экскурсовода мы узнали, что отсюда отец Иоанн любовался бескрайними лесами, реками, лугами и Сурой, которая лежала как на ладони, и молился о её духовном возрождении.

Вид на Суру с Поклонной горы

На родине святого праведного Иоанна Кронштадтского

Начало на с. 1

Центральной частью праздника явилась Божественная литургия в Успенском храме Иоанновского монастыря, на которой предстоял Святейший патриарх Московский и всея Руси Кирилл. Отсутствие алтарной преграды (поскольку храм ещё не отреставрирован), чтение евхаристического канона вслух способствовали тому, что служба стала понятной, благодатной и радостной. В заключительном слове Святейший патриарх выразил надежду, что богослужение в память о святом праведном Иоанне Кронштадтском, молитвеннике о Русской земле, должно послужить возрождению духовной жизни как в селе Сура, так и во всём нашем Отечестве.

Затем была общая трапеза, которая дала возможность пообщаться с верующими из разных городов. Нам было интересно узнать об идее создания Иоанновской семьи как содружества храмов, приходов, монастырей, гимназий, школ, братств, сестричеств и других социальных учреждений, особо почитающих память святого праведного Иоанна Кронштадтского, об их желании общими усилиями помочь возрождению сурских святынь, а через это и духовному возрождению села. Идея собирания Иоанновской семьи показалась близкой идее собирания братства.

Фото на память с представителями православного духовенства из разных уголков России и мира стало завершением нашего пребывания на родине святого праведного Иоанна Кронштадтского.

Размышляя о нашей поездке в Суру, мы укрепились в мысли, что возрождение духовной жизни начинается в сердце каждого из нас. Вспомнились

слова всероссийского пастыря: «Жизнь сердца есть любовь, смерть его – злоба и вражда на брата. Господь для того нас держит на земле, чтобы любовь к Богу и ближнему всецело проникла в наши сердца: этого и ждёт Он от всех. Это цель стояния мира».

Татьяна Глушко, Светлана Кузнецова,
Галина Деженина, Максим Юрьев

Праздник закончился общей трапезой

«Все научные идеи возникли во мне из чувства тайны»

«Русского Леонардо да Винчи» открыли для себя гости литературно-музыкальной гостиной, посвящённой о. Павлу Флоренскому. Встреча состоялась 7 июля в Визит-центре Кенозерского национального парка Архангельска в рамках выставки «Подвиг жизни», организованной архангельскими малыми православными братствами и Культурно-просветительским фондом «Сретение»

И сам он, и судьба его есть слава и величие России, хотя вместе с тем и величайшее её преступление.
Отец Сергей Булгаков

Выдающийся богослов, философ и учёный, один из замечательных представителей русской культуры Серебряного века... Можно долго перечислять список сфер деятельности, в которые он внёс свой вклад: математика, физика, философия, богословие, биология, геология, иконография, электротехника, эстетика, археология и многое другое. Получил тридцать патентов на изобретения в различных областях науки и техники, десять из которых создал, находясь в заключении.

«Все научные идеи, те, которые я ценю, возникли во мне из чувства тайны. То, что не внушает этого чувства, не попадает и в поле размышления, а что внушает – живёт в мысли, и рано или поздно становится темой научной разработки», – писал о. Павел из лагеря семье.

Отец Павел Флоренский является одним из героев выставки «Подвиг жизни», созданной по материалам выставки «Неперемолотые. Опыт духовного сопротивления на Русском Севере в XX веке». Его духовное сопротивление беззаконию, творившемуся против церкви и человека, выразилось как в конкретных поступках, направленных на защиту дорогих ему ценностей, так и в том, что сам образ его жизни, связанный с активной научной и творческой деятельностью, воспитанием собственных детей, был сопротивлением пустоте, невежеству, разрыву с культурной традицией.

В мае 1928 года ОГПУ провело масштабную операцию в Сергиевом Посаде, арестовав большую группу священнослужителей и мирян. Отца Павла Флоренского выслали в Нижний Новгород. В феврале 1933 года священник был повторно осуждён, приговорён к 10 годам исправительно-трудовых лагерей и сослан в восточносибирский лагерь, в ноябре 1934-го был направлен в Соловецкий лагерь. Роман Николаевич Литвинов, химик, сблизившись с отцом Павлом в ссылке, так писал о нём жене: «Редко я встречал настолько образованного человека и в то же время такого глубоко-го. Для меня он большое утешение. Очень умный, чуткий и добрый».

Окончание на с. 3

Можно только догадываться, насколько тяжело было отцу Павлу в заключении. Но преодолеть испытания ему помогла именно вера, верность Христу и призванию: «Чтобы стать святым, надо быть святым: надо поднять себя за волосы. Это возможно во Христе, во Плоти Своей показывающем каждому Божию идею о нём; т. е. это возможно лишь чрез опыт, чрез личное общение, чрез непрестанное вглядывание в Лик Христов, чрез отыскивание в Сыне Человеческом подлинного себя, подлинной своей человечности».

Дети стали для отца Павла даром Божиим, ниспосланным для укрепления в самых тяжёлых обстоятельствах. Находясь в лагере, он в письмах установил тесную связь с семьёй, зная проблемы детей – старался передать им свой опыт и знания. Главным его посланием детям стало «Завещание», идеи которого могут стать правилами жизни любого человека:

«Самое главное, о чём я вообще прошу вас, – это чтобы вы помнили Господа и ходили пред Ним. Этим я говорю всё, что я имею сказать. Остальное – либо подробности, либо второстепенное».

«Привыкайте, приучайте себя всё, что бы ни делали вы, делать отчётливо, с изяществом, расчленённо; не смазывайте своей деятельности, не делайте ничего безвкусно, кое-как... Кто делает кое-как, тот и говорить научается кое-как, а неряшливое слово, смазанное, не прочеканенное, увлекает в эту неотчётливость и мысль. Детки мои, не позволяйте себе мыслить небрежно. Мысль – Божий дар и требует ухода за собою. Быть отчётливым и отчётным в своей мысли – это

Портреты о. Павла Флоренского неслучайно чем-то напоминают картины эпохи Возрождения...

залог духовной свободы и радости мысли».

Отца Павла Флоренского расстреляли 8 декабря 1937 года, предположительно в Ленинграде. Он попал в дополнительные списки осуждённых к расстрелу в порядке перевыполнения плана... Ради каких невысказанных достижений и целей перевыполняли план, уничтожая лучших людей страны? Трагична не только судьба Флоренского, трагично время, в которое он жил, культура, которая оказалась неспособной вместить в себя такого мыслителя, священника и учёного.

Татьяна Пархомович

Сколько в человеке человека?

«Перед лицом того, что делается, перед Крестом, перед смертью, перед душевной агонией людей произнесём суд над мелкостью, ничтожностью нашей жизни – и тогда мы что-то сможем сделать: молитвой, образом нашей жизни и, может быть, даже чем-нибудь более смелым и более творческим».
Митрополит Сурожский Антоний

12 мая состоялась встреча архангельских малых православных братств во имя Михаила, Гавриила и Рафаила с коллективом Архангельского областного молодёжного театра. Поводом для общения стал спектакль «У войны не женское лицо» по одноимённой повести Светланы Алексиевич. Братства не первый раз встречаются с творчеством писательницы. В 2009 году мы были на режиссёрской читке будущего спектакля «Зачарованные смертью», поставленного Авторским театром Олега Дмитриева (Петербург) по одноимённой повести Светланы Алексиевич.

В постановке поражает глубокое и тонкое актёрское проникновение в образы женщин, встретившихся с «хищным и отвратительным» лицом войны и удивлённых, что, несмотря ни на что, они не научились ненавидеть. Актрисы поделились с нами тем, что режиссёр требовал от них не театральной игры – только искренности, настоящих чувств, как если бы это были не истории женщин из ушедшего XX века, а то, что исходит из глубины человеческого вообще.

Мы спросили у актёров, как они выстраивали свою роль, как проживали её. Какие интонации, акценты книги стали для них ключевыми? Нас интересовало, что значит осмысление войны лично для каждого из нас? Как человек может отвечать за происходящее рядом с ним? Как передать в художественных образах пережитое человеком на войне? А главное, что передавать? С. Алексиевич в первую очередь интересуется «человеком перед лицом собственной невозможности». Она пытается понять, «сколько в человеке человека». Образы прозы писательницы очень страшны иногда. Чем преодолевается «мрак» «хищного» мира войны, по словам С. Алексиевич, в спектакле и как вообще это можно преодолеть?

Очень важными для нас стали слова Н.А. Бердяева о том, что «войну можно принять лишь трагически-страдальчески. Отношение к войне может быть лишь антиномическое. Это – изживание внутренней тьмы мировой жизни, внутреннего зла, принятие вины и искупления. Благодушное, оптимистическое, исключительно радостное отношение к войне – недопустимо и безнравственно. Мы войну и принимаем, и отвергаем. Мы принимаем войну во имя её отвержения. Свержение милитаризма – одна из целей нынешней войны. Милитаризм и пацифизм – одинаковая ложь. И там, и здесь – внешнее отношение к жизни. Принятие войны есть принятие траги-

ческого ужаса жизни. И если в войне есть озверение и потеря человеческого облика, то есть в ней и великая любовь, преломленная во тьме».

Размышление о словах митрополита Антония Сурожского: «Недостаточно слегка посочувствовать, недостаточно говорить о том, что “мы ничего сделать не можем”: если бы мы стали в такой молитве, если такое наше сострадание исключило бы из нашей жизни всё то, что слишком мелко для того, чтобы стать перед лицом ужаса земли, то мы стали бы людьми, достойными Христа, и тогда, может быть, наша молитва тоже вознеслась бы, как пламя сожигающее и просвещающее, тогда, может быть, вокруг нас не было бы той косности, того безразличия, той ненависти, которые вокруг нас живут и процветают, потому что мы ничему злему помехой не являемся там, где мы есть. Перед лицом того, что делается, перед Крестом, перед смертью, перед душевной агонией людей произнесём суд над мелкостью, ничтожностью нашей жизни – и тогда мы что-то сможем сделать: молитвой, образом нашей жизни и, может быть, даже чем-нибудь более смелым и более творческим», – стало закономерным итогом встречи.

Мы поблагодарили актёров театра за возможность такого доверительного диалога, за искренность и готовность делиться с нами своими открытиями.

Ирина Пономарёва

О вдохновении и радости

От всего сердца благодарим Бога, ректора Свято-Филаретовского института профессора священника Георгия Кочеткова, всех преподавателей за приобщение к церковному Преданию, к свету Христовой любви. Духовное образование помогает почувствовать и понять личную ответственность за жизнь в церкви, подготовить нас к служению Богу и Церкви теми дарами, которые мы получили в таинстве святого Крещения и Миропомазания, таинстве Просвещения. Через знания, прошедшие не только через ум, но и сквозь сердце, в нас появилось личное восприятие церковной традиции, родилась и укрепилась любовь к ней.

Наша последняя сессия, проходившая летом 2015 года, завершилась защитой бакалаврских работ и государственным экзаменом. Этот труд принес нам вдохновение и радость! Написание бакалаврских работ побудило нас глубоко вникнуть в свою тему, срастись с ней.

Бакалаврская работа Елены Селивёрстовой была посвящена теме: «Братство как форма церковной жизни в трудах и практике Н.Н. Неплюева», где рассмотрен опыт Николая Николаевича Неплюева и его Крестовоздвиженского Трудового братства, основанного им в 1889 году. Имя Николая Николаевича, представителя известного дворянского рода, религиозного мыслителя, уже звучало в Архангельске в 2013 году на посвящённой ему выставке «Человек Веры».

Что предлагал Неплюев? В конце XIX – начале XX века он предлагал пересмотреть вопрос об устройении православных братств. Братства, по его мнению, должны воплощать собой образ Церкви не как структуры, а как живого, соборного организма, связанного узами взаимной любви и чувственного реагирования на вызовы общества. Начал он с того, что решил посвятить свою жизнь «пользе детей народа», воспитывать их на евангельском основании, его цель была – научить детей и взрослых «думать и чувствовать по-христиански», чтобы вера их стала осознанной, чтобы они захотели жить по завету Христа Спасителя в единомысленном братском общении...

Бакалаврская работа Татьяны Пархомович посвящена миссионерско-просветительской деятельности Архангельской и Холмогорской епархии в период архиерейского правления Иоанникия (Казанского) в 1900–1908 гг.

Епископа Иоанникия без преувеличения можно назвать одним из лучших

архиереев Русской православной церкви в начале XX века. В ответ на циркуляр К.П. Победоносцева в 1905 году он предоставил один из наиболее глубоких отзывов по вопросу о церковной реформе, документ «О желательной постановке миссионерского дела в соответствии с манифестами 17 апреля и 17 октября 1905 года» и «предположения» местной комиссии, в которых был обозначен круг проблем, тревоживших епархию, и предложены меры по реформированию миссионерского дела в Русской православной церкви.

Так, в документах говорится о необходимости реформировать православный приход через создание древнехристианских общин, каждая из которых представляла бы собой «одно тело во Христе, как бы тесную семью во главе с епископами и пресвитерами». Поэтому предлагалось так организовать жизнь прихода, чтобы стало возможным использование выборного начала, чтобы причт и миряне активно взаимодействовали друг с другом, причт – участвуя в делах мирян, миряне – в делах прихода.

Для того чтобы храм мог оказать религиозно-просветительское влияние на местного жителя, необходимо, чтобы он сам мог участвовать в богослужении. Для этого предлагается вводить в приходских храмах общее пение, а в богослужение русский язык, делая это постепенно. «Пусть сначала богослужение на русском языке совершается изредка, как оно совершается, например, на греческом языке. Со временем оно будет всё более и более учащаться. Начинать употребление в богослужении русского языка нужно с городов и, вообще, с тех мест, где народ более развит, более сочувствует этому. Это имеет удобство в том отношении, что в городах и, вообще, в более населённых местах всегда имеется несколько храмов, и не желающие присутствовать на богослужении на русском языке будут иметь возможность присутствовать при богослужении на славянском языке. А пока русский язык в богослужении вводится в одном месте, к нему привыкнет и само пожелает завести у себя население и других мест».

Владыка Иоанникий предлагал упростить церковнославянский язык через исправление текстов священных и богослужебных книг, все непонятные слова и выражения заменяя синонимичными более понятными славянскими или русскими словами, а греческие полностью поменяв на русские.

По мнению епископа, священники должны быть первыми миссионерами

в своём приходе. Их проповедь должна быть жизненной, понятной для прихожан, отвечать на новые вопросы общества. Особенно важна катехизическая проповедь, под которой подразумевалось слово «о главных и основных истинах святой православной веры».

В период своего епископства на кафедре Архангельской и Холмогорской епархии Иоанникий (Казанский) ставил вопрос о положении в церкви мирян. Он утверждал, что устройство церкви происходит через всех людей, входящих в неё. «Святая Церковь Христова, как общество верующих во Христа, не из камней созидается, а из людей; но и в ней каждый из людей есть то, что и каждый отдельный камень в здании храма». Епископ обращает внимание на необходимость участия в церковной жизни всех прихожан, независимо от социального статуса, образования, пола. Каждый из них может что-то делать по своим возможностям, по своему дару. «И они все, от малого до старого, трудятся в созидании её каждый в своём месте и в свою меру». При этом епископ Иоанникий не принижал значение пастырей в устройении церкви. Пастыри – это «служители и Бога, и мирян, соработники Божии в укреплении пасомых в церкви, созидаении из них Церкви».

Надеемся, что наши работы станут полезными материалами для дальнейших исследований по представленным темам и помогут нашим братьям и сёстрам осознать страницы церковной истории, которые тесным образом связаны с современностью.

Слава Богу за всё!

Выпускники 5-го курса Свято-Филаретовского православно-христианского института в 2015 г. Елена Селивёрстова, Татьяна Пархомович

После защиты бакалаврских работ: выпускники и научный руководитель К.П. Обозный (в центре). Первая справа – Татьяна Пархомович